

Андрей Посняков

В
И
К
И
Н
Г

Поющие
камни

Ведунская серия (АСТ)

Андрей Посняков

Поющие камни

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Посняков А. А.

Поющие камни / А. А. Посняков — «АСТ», 2017 — (Ведунская серия (АСТ))

ISBN 978-5-17-102708-7

Его звали Странник. Бывший раб, ставший вождем норманнов в далеких южных морях, добрался до Англии, примкнув к могучему флоту Железнобокого Бьорна, сына знаменитого Рагнара Кожаные Штаны. Властители мелких английских королевств – Нортумбрии, Мерсии, Уэссекса – борются за власть над всем островом, наперебой приглашая «данов» – так в Англии называли суровых северных разбойников-скандинавов. Странник и его ватага получили такое приглашение от короля Мерсии... Однако вовсе не ради денег и славы поступил на королевскую службу молодой вождь, окунаясь в пучину интриг. Есть задача и поважней – спасти, вырвать из гнусного рабства юную красавицу Эдну, дочь далекого вепсского конунга Эйрика Железная Рука. Спасти, доставить обратно на родину... и побороться за власть, ибо уже и до Англии дошла весть о загадочной смерти славного властелина земли древней веси. И снова поход, и злые ветра рвут полосатые паруса драккаров! Звон мечей, свист стрел, стоны и крики сливаются в вечную музыку битвы... И никто, кроме Эдны, не знает, что Гендальф Странник на самом деле – Геннадий Иванов, наш современник, очутившийся в далеком прошлом по злой прихоти судьбы... и по собственной воле.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-102708-7

© Посняков А. А., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Посняков

Викинг: Поющие камни

© Андрей Посняков, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Глава 1

Девчонка бежала так быстро, как только могла. Пробиралась сквозь заросли можжевельника, перепрыгивала через поваленные ветром деревья. Обутые в кожаные полусапожки ноги скользили, вязли в грязи. Когтистые лапы елей царапали щеки. Больно, до крови! Беглянка не обращала внимания, продолжала свой нелегкий путь и остановилась лишь на берегу лесного озера с черной болотной водой. Отдышаться, оглядеться, прийти в себя.

Нагнувшись, девушка зачерпнула воду ладонью, напилась и застыла, к чему-то напряженно прислушиваясь. Красивая – изящная, с небольшой грудью и милым личиком, обрамленным дивным златом волос, словно напоенных солнцем. Красивая и юная, лет шестнадцать, может, чуть больше. Трепетные загнутые ресницы, черные брови, напряженно сжатые губы... Чувствовалось, как пошла бы этому личику, этим синим, как озера, очам веселая озорная улыбка! Увы, красавице нынче было не до смеха. Грудь ее тяжело вздымалась, капали со лба крупные капли пота. Устала, что и сказать.

Странная девушка. Странная одежда – синий, вышитый бисером сарафан из плотной ткани, тонкие лямки заколоты сверкающими овальными застешками – фибулами. Из-под сарафана виднелось платье или рубашка – желтая, с короткими плиссированными рукавами, открывающими до локтей изящные девичьи руки, исцарапанные в кровь.

Браслеты – похоже, из золота! – наборный пояс с висевшим на нем ножом с костяной, украшенной витиеватой вязью рукоятью.

Услышав позади шум, красавица схватилась за нож, и, затравленно озираясь, бросилась к большому серому камню, что виднелся невдалеке, за вековыми соснами.

Далеко за озером вставало солнце. Желтые лучи его уже окрасили высокие вершины деревьев, пробежали по черной воде золотистой дорожкой. Выбитый на валуне рисунок – спираль – словно бы вспыхнул под воздействием животворящего света!

Прятавшаяся за камнем девчонка что-то шептала, как видно – молилась, испрашивая удачи. На шее ее сверкало ожерелье из красновато-оранжевого, с белыми восковыми прожилками, сердолика. Каждая бусина была тщательно отшлифована... и украшена все тем же знаком – спиралью. Змеей, свернувшейся в клубок.

Позади в лесу слышались крики. На берег озера выбежали какие-то люди с топорами и короткими копьями. У одного – с узким злым лицом и редковатой бородкой – сверкнул в руках меч. Не очень длинный, почти без перекрестья, с закругленным концом. Таким хорошо рубить, но вот колоть и парировать удары – проблемно.

– Искать! – распорядился узколицый, поправив накиннутый на плечи плащ. Роскошный, из ярко-зеленой ткани с желтым подбоем. – Она не могла далеко уйти. Чувствую, прячется где-то здесь.

– Господин... А если найдем? – несмело осведомился коренастый парень в бобровой шапке, с луком в руках.

– Убить! – тут же последовал конкретный приказ. – Если не сможете догнать. Если сможете – тащите ко мне. Да что вы встали? А ну, живо обыскать все вокруг, иначе я прикажу содрать с вас живьем шкуры!

Испуганно попятившись, преследователи – человек десять – рассредоточились по всему берегу, тщательно проверяя каждый кустик, каждый овраг, не пропуская ни папоротников, ни можжевельника, ни бурелома. Кто-то уже подошел к валуну...

Девчонка не стала ждать. Выскочила, оттолкнув бросившихся за ней парней, и с разбегу прыгнула в воду.

Вздыбились в небо черные брызги, сверкнули на солнце...

Вместо того чтобы нырнуть следом, парни в страхе застыли и попятились.

Кто-то растерянно обернулся:

– Господин...

– Эта тварь осквернила священное озеро, – гневно прошептал предводитель. – Что ж... тем хуже для нее. Гордайл! Дай сюда лук.

– Вот, господин... Но...

– Я помню заклятье! Однако она сама разгневала богиню. Я же должен лишь покарать. Просто придется...

– Надеюсь, богиня не будет в обиде...

– Не будет! Ага-а...

Ловко наложив стрелу, узколиций прищурился, терпеливо дожидаясь цели...

Как видно, беглянка умела хорошо плавать. Еще бы – в обуви, в тяжелом сарафане проплыла под водой почти все озеро – длинное и глубокое. Проплыла и, наконец, вынырнула, оглянувшись...

Тотчас пропела стрела! Пущенная меткой рукой, угодила девчонке в шею!

Черная вода вмиг окрасилась кровью, юная красавица захрипела, схватилась за рану рукою... И словно кто-то схватил ее за ноги, потащил вниз, глубоко-глубоко. Толщи воды сдавили грудь, и невозможно стало вздохнуть, да и воздуха вокруг не было. Ни воздуха, ни света...

* * *

– Тьфу ты, черт!

Гена проснулся в холодном поту. Выругался, выбрался из спальника и, откинув полог палатки, высунул голову, жадно хватая ртом прохладный ночной воздух. Как будто это его самого чуть было не утопили! Да утопили почти...

Проклятый сон! Все тот же. Геннадий видел его уже не раз и не два. Невероятно красивая девчонка с золотыми волосами, погоня... И – непроходимые леса кругом, и озеро. Муст-озеро, или, по-местному – Муст-ярв. Черное озеро. Муст – черный, по-вепски. Вепсы – остаток древнего народа, некогда могущественного племени весь, нынче проживающий в здешних местах. Вепсы – угро-финны, потому и все названия здесь – полурусские, полуфинские. Хараничи, Корбеничи, Озровичи – Харагл, Корб, Озоргл...

Гена давно хотел сходить сюда. Вот так вот – байдарками, с палатками и всем прочим.

Нет, ну к чему такой сон-то, а?

Молодой человек уже собрался забраться обратно в спальник, да вдруг увидел маячившую у догорающего костра тень. Присмотрелся, накинул на плечи рубашу с длинными рукавами – от комаров – и выбрался:

– Что, Лентя, не спишь?

– А, Геннадий Викторович, не спится.

Лентя – Ленка Ревякина из девятого «А». Хорошая, добрая девчонка. Правда, с учителями – не ах, зато в походах – надежна. Работает, как вол, надо грести – гребет, да и на берегу без дела не сидит, даже если и не дежурит.

– Ты, Лентя, физику-то сдала?

– Да так, – Ленка отмахнулась. Худенькая, с веснушками, она выглядела немного младше своих лет, чего, откровенно говоря, стеснялась... но никому стеснения своего не показывала. Но Гена-то это видел! Не зря Лесгафта закончил. Преподавал вот уже третий год физкультуру в райцентре, да еще пару секций вел. На жизнь хватало, да и то, что делал – нравилось, что вообще-то значит по нынешним временам немало.

Вот и сейчас, в конце июня, повел ребят в очередной поход по вепским речкам-озерам. Паше, Капше и прочим. Десять человек взял, хотя просились многие. И еще двое взрослых –

напарников. Хорошо шли, весело, хотя и трудно. Трудно, потому как дни стояли жаркие – воды в реке маловато, больше все перекааты, камни. Тащить лодочки приходилось, а часто – и обновить, перетаскивать по заросшему берегу вместе с вещами, потом сушить, дырки заклеивать.

– Рыбу доедать будете, Геннадий Викторович?

Рыбу... Рыбу можно и доест. Только не с Лентей, напарника растолкать, Леху, Иваныча, инструктора из Дома творчества юных. С ним рыбу и съесть. Под водочку, точнее – под самогон. Пара бутылок оставалось еще. И самим – с устатку, и детям – вечером половину столовой ложки в чай, для профилактики. Чтоб не заболели. Хуже нет, когда кто-то в дальнем походе болеть начинает. Вот в позапрошлом году, помнится...

– Так рыбу-то...

– Нет, Лена, не буду. Сама кушай.

– А я не хочу. А выкинуть – жалко. В чью-нибудь миску переложу, ладно. Котел-то мне мыть.

– А чего тебе? – удивился Гена. – Не твоя ж лодка нынче дежурит.

– В карты проигралась, – девчонка улыбнулась и шмыгнула носом. – В «верю – не верю».

– А, помню... играли вечером. У тебя там семь тузов в колоде было?

– Было. Да не повелись, черти.

Ночи, как всегда в ту пору, стояли белые, светлые. Костер давно уже не горел, а так, мерцал углями, или, как говорят – шаял. На лесной опушке, одна подле другой, стояли палатки-двухместки и одна однушка, продуктовая. Чуть ниже, ближе к реке, пузырились горбами перевернутые, вытащенные на ночь на берег лодки.

– Геннадий Викторович, а Башня с Максом, знаете, как свою байду назвали?

– Знаю. «Титаником».

– Вот дураки-то! А у Тимыча еще хлеще – «Беда». Это из мультика все, из старого. И у нас – «Черная каракатица»... Геннадий Викторович... а вы меня весной в Хибины возьмете?

– Возьму, сама ж знаешь.

– Да знаю, – Лентя хитровато улыбнулась. – А Машку, подругу? Машка, знаете, какая сильная!

– Это Ивантеева-то, – прищурился Гена. – Она хоть на лыжах-то стоять умеет? Не-е... не возьму. Пока все зачеты мне не сдаст, не возьму, пусть и не просится.

– Она сдаст. Она очень с нами хочет. И сейчас бы пошла, да родители в отпуск уехали – все хозяйство на ней.

Ишь ты, оказывается, вечная прогульщица Ивантеева-то какая хозяйственная! Геннадий про себя хмыкнул, но вслух ничего не сказал – там видно будет. Нечего заранее обещать, тем более – детям.

– Геннадий Викторович, – выкладывая из котла остатки ухи, не отставала Ленка. – А вы что-то интересное под вечер рассказывали. Про какие-то камни.

– А ты что, не слышала?

– Не-е. Мы рыбу чистили, а потом – купались.

– Легенда такая есть, местная... – Гена прикрыл глаза. – Даже не легенда – быть или сказ. Кто как понимает. Местные вепсы с древних лет особым камням поклонялись. Большим серым булыжникам, что вокруг озер да в урочищах. Иногда и часовни в тех местах ставили, в священных своих рощах. Язычество – чего уж. А камни украшали рисунками, приносили жертвы...

– И людей?!

– Про людей – не слыхал, а вот петухов да лесную дичь – запросто. Непростые то камни, Лена. Говорят, по утрам они петь начинают.

– Как это петь?

– Не знаю. Не слышал никогда. Но вот есть шанс услышать. Мы ведь туда, к поющим камням, и идем – к Черному озеру.

Задумчиво посмотрев в небо, Геннадий помешал палкой тлеющие угли и продолжил, уловив заинтересованный взгляд девчонки:

– Говорят, когда камни поют, открываются иные миры. Местные зовут их – колну паллишт – «мертвые поляны».

– А почему мертвые?

– Наверное, потому что – иные. Иной сказочный мир и там же – красавица леса... или фея леса, лесная нимфа. Красавица с глазами-озерами и волосами, как солнце.

Позабыв про рыбу, Лентя вдруг сверкнула глазами: зеленовато-серыми, дерзкими, большими. Все ж красивая была девчонка, правда, сама свою красоту еще не осознавала. Веснушек вот почему-то стеснялась.

– Вот бы эти поляны увидеть, Геннадий Викторович! Прямо фантастика какая-то. Я много фантастики читала – и Стругацких, и Лема, и Гаррисона... У меня папа увлекается... Геннадий Викторовичи, а про летающих змей вы ничего такого не слышали? Они ведь тоже здесь водятся. Говорят, на грибников нападают... ужас какой!

– Ну, на нас-то не нападут, – посмеялся Гена.

Ленка тотчас же согласилась, закивала:

– Конечно, не нападут, мы же такие шумные. Любой змей испугается, даже трехголовый! Ох, была б только вода в речке... А то не Капша-река, а какая-то Каменная Тунгуска!

– Подкаменная, – машинально поправил Геннадий и вдруг замер, прислушиваясь. Почудился какой-то странный шорох со стороны леса. Может, зверь какой, а скорее – собака. Прибежала из какой-нибудь деревни, объедки доедать да брошенные где попало миски вылизывать – так частенько случалось. Кстати, миски-то брошенные неплохо было б собрать да в кусты выкинуть – пущай с утра ищут. Заодно посмотреть – кто это такой ленивый? Провести профбеседу да вечером отправить заготавливать дрова.

Точно!

Какой-то шорох. Даже нет – шаги.

Молодой человек не успел и голову повернуть, как Ленка уже глаза вскинула:

– Здравствуйте!

Есть у туристов (впрочем, не только у них) такая шутка – посмотреть человеку в глаза, а затем перевести взгляд вбок и громко поздороваться. Собеседник обернется... а там и нет никого. Юмор такой. Шутка.

Вот и тут подумалось – пошутила Ленка. Однако нет...

– И вам да pošлют боги здоровья, – глуховато откликнулся вышедший из леса старик. Высокий, худой, в длинном темном балахоне и с клюкой, точнее сказать – с посохом, он чем-то напоминал странствующего монаха, какие ходили по городам и весям в седую старину. Правда, нынче времена-то стояли не те, вовсе не монашеские. Да и креста на груди незнакомца не было, а было какое-то ожерелье... из черепов мелких птиц!

Всклооченные седые волосы, лучше сказать – космы, длинная, такая же седая, борода, большой хрящеватый нос – клювом, как у хищной птицы. И – затаившиеся, глубоко посаженные глаза. Внимательные, цепкие. Станный старик. Наверное, из местных.

– Садитесь, дедушка, к костру, – гостеприимно предложила Лентя. – Рыбки не хотите? Или вот чай?

– Ничего не хочу, благодарствуйте, – незнакомец с достоинством отказался и пригладил бороду. – Пойду я по своим делам – поспешаю. У вас же лишь спросить хочу – не видели ли вы здесь златовласую деву? Властную и красивую, как смерть.

В груди Геннадия что-то екнуло. Златовласая дева! Красивая... Не та ли? Из снов...

– Одну видели, – между тем отвечала школьница. – Но это еще днем было, у деревни. Да, и еще одну – почтальоншу. А ваша как одета была?

– В платье варяжском, с фибулами о двух зверях, – сверкнув глазами, туманно пояснил старик.

Ленка махнула рукой:

– Не, та в шортиках была. И в майке.

– А что конкретно за дева-то? – наконец, поинтересовался Геннадий. – Откуда, с какой целью здесь, по лесам бродит? Как имя-фамилия?

– Узнаете, ежели вдруг к становищу вашему выйдет, – старик нахмурил кустистые брови и пристукнул посохом оземь. – Говорю же – властна, красива. Беда ей грозит большая. Пусть вернется! Она знает, куда.

Не прощаясь, незнакомец повернулся и быстро зашагал к лесу.

– Эй, эй, дедушка, – чуть подумав, Гена бросился следом. – А что за беда-то? Что за...

Странный старик исчез. Растворился в лесу, как и не было. Даже следов на мокрой тропке – не осталось и тех.

– Странный дед, – хмыкнула у костра девчонка. – Я про таких слышала. Как это... Хиппи – во!

* * *

На следующий день плыли с утра и почти что до вечера, пользовались хорошей погодой. Ближе к вечеру присмотрели по левому берегу местечко для стоянки. Совсем недалеко от Черного озера. Лесом – три километра всего.

К озеру Геннадий отправился еще до рассвета – благо белая ночь позволяла. Очень хотелось сначала осмотреть Муст-ярв самому, а уж потом взять ребят. Глянуть на тропу – достаточно ли безопасно, заранее присмотреть место для перекуса, даже для купания, может быть.

Еще с детства Гена любил бродить по лесу один, наслаждаясь пением птиц и вековым покоем. Вот как сейчас. Шел не спеша, принюхивался к пряному запаху деревьев и трав, прислушивался: вот задолбил где-то совсем рядом неутомимый трудяга-дятел, вот закуковала кукушка... начала, да бросила, не успел и спросить: «кукушка, кукушка, сколько мне лет?».

Где-то вдалеке, на болоте, пронзительно закричала выпь. Словно в ответ ей на бору, среди сосен и елей, гулко заухала сова, а в перелеске – хорошо видно было – проскочил стремительной серой тенью заяц.

Путник вышел к цели с рассветом. Вода в озере и в самом деле оказалось темной, а на ощупь – холодной, студеной даже. В такой уж точно в свое удовольствие не купается. Разве только после бани нырнуть – освежиться. Да где ж тут найдешь баню-то? Хотя заброшенных деревень по здешним лесам хватало. Когда-то – лет пятьдесят и больше назад – вокруг располагались колхозы, совхозы, прочие леспромхозы. Фермы, пастбища, покосы. Даже в самых дальних деревнях – клубы с кино и танцами. Нынче ушло всё. Исчезло. Вот уж поистине – иной мир. Зазеркалье, или, как местные вепсы говорили – «мертвые поляны» – колну паллишт.

За дальними соснами показался желтый краешек солнца. Теплые утренние лучи прогнали небольшой туман, клубившийся над водою, в черной воде отразилось небо, прозрачное и пронзительно синее... как глаза у той девушки из снов.

Оп!

Присмотревшись, Гена увидел на том берегу камень. Большой серый валун размерами примерно два на три метра. Округлый, осанистый... с хорошо видимым рисунком, выбитым в незапамятные времена. Спираль!

Верно, тот самый камень... поющий... А вот неподалеку еще один! И еще... Правда, эти – без всяких рисунков, просто камни... Переправиться бы, поближе взглянуть. Или обойти... Нет, судя по карте, Муст-ярв – озеро длинное, четырнадцать с половиной километров. А он, Геннадий Викторович Иванов, преподаватель физкультуры и ОБЖ с первым разрядом ЕТС – как раз посередине. Семь верст туда, семь верст туда... Нет уж, лучше вернуться, да потом с детьми к камням этим добраться. Хотя не так уж эти камни и далеко – напрямик если, по озеру. Метров пятьдесят... да, пожалуй, и меньше. Переплыть? Или – не заморачиваться?

Хмыкнув, Гена прищурился, глядя, как исчезают, тают прямо на глазах последние остатки тумана, и без того не очень-то плотного, словно редкие перистые облачка. Восходящее солнце отразилось в воде, пробежало золотой дорожкой... И тотчас же послышался какой-то звук, словно бы затрещали, затанули свою серенаду кузнечики или цикады. Поначалу тихий, едва заметный, звук нарастал, становился все громче, пока не превратился в ровное гудение, вовсе не гулкое, басовое, а чуть тоньше, похожее на затянувшуюся ноту соло-гитары.

Нет, это, конечно, были не кузнечики и уж тем более никакие не цикады... Молодой человек только сейчас сообразил – именно так пели камни! Именно эти – со спиралью и без. Поющие... Нет, не пение, скорее – какой-то звон. Длинный, растянутый звук колокола... гитарное соло...

Геннадий стоял, словно на концерте, даже прикрыл глаза... покачивался... Пока не услышал на противоположном берегу, у камней, какой-то шум! Чьи-то грубые голоса, окрики, топот. Словно охотники загоняли дичь... или кто-то кого-то ловил, преследовал.

Шум быстро приближался... и вдруг из-за деревьев к озеру выбежала светловолосая красавица дева! Та самая, из снов. Выбежала и с разбега нырнула в черную студеную воду. Точно так же, как и во сне. И точно так же – на берегу появились лучники во главе с узколицым мужчиной в ярко-зеленом плаще. Подбежав к самому берегу, он поднимает лук с наложенной стрелой...

То, что сейчас произойдет, Геннадий хорошо понимал – не раз видел все это во сне. Сейчас этот вот хмырь ту девчонку – стрелой... Эх, ей бы не по центру вынырнуть. Влево бы уйти... или вправо. Глотнуть воздуха, и снова – нырнуть – а там уж...

Хищно улыбаясь, узколицый выцеливал девчонку... Та вот-вот вынырнет... и получит стрелу в шею!

Геннадий не выдержал. Скинув кроссовки и куртку, бросился в воду! Нырнул, поплыл навстречу девушке...

Вот она, выныривает, плывет наверх, вдохнуть воздуха... Влево, влево давай! Девчонка уже почти вынырнула. Гена едва успел. В самый последний момент дотянулся, схватил озерную нимфу за ногу, потянул... Лишь бы не попали, не попали бы...

Не попали! Но лицо у девчонки было такое... вот-вот захлебнется... Геннадий показал жестом – левей! Красавица поняла, взяла левее... вынырнула, а следом за ней – и Гена... Отдыхались, да снова под воду... подальше от стрел.

Теперь – плыть, плыть под водой из последних сил, покуда хватает дыхания!

Они вынырнули вместе, у самого берега. Выбрались из воды. Гена оглянулся – на том берегу уже никого не было, одни «поющие» камни. Куда же делись преследователи во главе с узколицым? Решили рвануть в обход? Или бросились в воду и уже плывут, вот-вот вынырнут...

Нет. Не бросились.

– Они не доберутся сюда, славный витязь, – взяв своего спасителя за руку, златовласая дева улыбнулась. словно солнышко одарило лучом! А в глазах – синь бездонная... Пожалуй, только во сне такую красоту и встретишь.

– Камни уже кончили петь... а они не прошли, не успели...

– Кто – они? – молодой человек очумело помотал головой.

– В свое время узнаешь, – загадочно отозвалась синеглазая. – Если то будет угодно судьбе. Ой...

Висевшее на шее девушки ожерелье вдруг порвалось, и камешки слетели в траву. Красотка тут же бросилась на колени, принялась подбирать... и Гена решил ей в этом помочь. Что и сделал.

– Возьми, славный воин, – усевшись в траву, златовласка протянула на ладони камешек... один из ожерелья. Тщательно отшлифованный сердолик красновато-оранжевого цвета, теплый... горячий даже! На бусине тщательно нанесен рисунок – спираль. Такой же, как и на «поющих камнях».

– Это мой камень, – улыбнулась дева. – Он живет там, где я. Я далеко – он холодный. Я рядом – теплый. Сейчас какой?

– Г-горячий... – молодой человек нервно сглотнул слюну и попытался перекреститься – может, это наваждение все же исчезнет?

Геннадий Иванов вовсе не был робок с девушками, скорее – наоборот, да и они его любили. Да и как такого пропустить, высокого светлоглазого красавца с темно-русыми волосами и модной щетиной-бородкой? Хорош собой, тем более – спортсмен... Потому, верно, Гена до сих пор и не женился – все из-за девушек...

Никогда с ними он не чувствовал себя скованно, но тут вот... Может, все дело в некой необычности встречи... или – во снах?

– Ты вообще кто? – наконец, спросил Иванов. – И откуда здесь взялась?

– Меня зовут Эдна, – опустив пушистые ресницы, девчонка провела ладонью по мокрой одежде. – Вымокла. Ничего, нынче солнышко – высохнем.

Она так и сказала – «высохнем», а не «высохну». Что ж, собралась... А ведь и собралась! Встала, да вмиг сбросила с себя сарафан, отцепив лямки. И осталась в одном платьишке – тоненьком, мокром, ничуть не скрывающем всех прелестей обворожительно стройной фигурки. Похоже, Эдна сбросила бы и платье, да не успела...

Из кустов вдруг появился старик! Тот самый, косматый, что разговаривал с Геннадием еще ночью... Так вот он кого искал, оказывается...

– Вот ты где, моя дорогая, – покивав головой, старик пристукнул посохом. – Слава Великой Корвале, наконец-то я тебя нашел!

– Здравствуй, Хирб, – голос девушки вовсе не показался Гене веселым. – Опять ты следишь за мной.

– Я лишь выполняю приказ.

Эдна вдруг сверкнула глазами с упреком и гневом:

– А знаешь, меня сейчас едва не убили! Подлый ярл кюльфингов Торкель Кю и его слуги преследовали меня и, если бы не этот мужественный юноша... не знаю, разговаривала бы я сейчас в тобой или нет.

– Торкель Кю в здешних местах? – удивленно переспросил старик Хирб. – Он что же, осмелился сунуться в воды священного озера?

– Не осмелился. Но лихо бил стрелами. Едва не попал...

Что было дальше, Геннадий уже не помнил. Вновь запели камни. Черные воды озера заволоч странный зеленоватый туман. Именно туда, в этот туман, прямо в озеро – шагнули

разом старик Хирб и златовласая красавица Эдна. Сделали пару шагов и исчезли, словно растворились в тумане среди поющих камней.

Гена проснулся часа через два. Солнце уже сверкало всюду, слепило очи. Никакой девушки, конечно же, не было. Как и старика. Всё привиделось. Опять тот же сон, только – в другой вариации. Однако... старика же видел не только сам Геннадий, но еще и Лентя, девочка из девятого «А». Точно видела? Вернуться – спросить... не быть бы...

Да-а-а... однако, и привидится же!

Широко зевнув, молодой человек прикрыл рот рукою. Что-то упало в траву. Выпало из ладони... Геннадий принялся шарить вокруг себя руками, до тех пор, пока не обнаружил камешек. Тщательно отшлифованный камешек – ярко-оранжевый сердолик! Бусина с изображением спирали. Тот самый камень! С ожерелья. Холодный, как лед.

* * *

Город назывался – Таррагона. Не большой, но и не маленький, около полутора тысяч человек населения. В древнее римское время – центр так называемой Тарраконской Испании, затем – вестготы, арабы, Реконкиста. Как и положено, памятники старины: римский амфитеатр, готический собор и прочее. Прогулочный бульвар – Рамбла, почти такой же, что и в расположенной километрах в ста к северу Барселоне. Там, кстати, тоже – Рамбла.

Ныне был базарный день, и весь бульвар заполнили торговцы. Торговали рубашками, джинсами, мужским и женским бельем, пляжными полотенцами, шлепанцами... да чем только ни торговали. Среди сувениров Геннадий вдруг увидел бусы – ярко-оранжевые, с белыми рунами... почти такие же, как и тот камешек со спиралью, что висел у него на шее. Только тот-то был – настоящий сердолик, а эти... Скорее всего – пластмасса, подделка дешевая. И все равно – забавно, да и просили недорого, вот Гена взял да и купил.

Сунул в рюкзачок да поспешно догнал ушедших далеко вперед приятелей. Те уже уселись возле забавного памятника строителям «живых башен» – кастельерс. Чугунные люди, отлитые практически в натуральный рост, поддерживая друг друга, образовывали пирамиду, чем-то напоминавшую парады физкультурников в СССР 1930-х годов.

Приятель – высокий чернявый парень – компьютерщик Серега, и две девушки – тут же предложили «заглянуть во-он в тот симпатичный кабачок», попить вина-пива да заказать паэлью. Да, паэлья была бы кстати – проголодались, да и пиво-вино. Вроде бы здесь, на побережье, даже сейчас, в августе, не так уж и знойно – термометр редко забирается выше тридцати, когда во всей остальной Испании – где-то под сорок. Не знойно, но все ж таки жарковато, однако.

– Гена, вы о чем задумались?

Она упорно называла его на «вы», светлоглазая девушка с косой и странным именем Розалинда. Учительница начальных классов. Высокая, сильная – раньше занималась академической греблей. Большая упругая грудь, лицо – вполне приятное, длинная русая коса. Казалось бы – вот оно счастье-то! Ан нет, Геннадий почему-то все равно вспоминал другую... ту самую синеглазку из снов.

Из снов, конечно же, из снов, ведь все, что с ним случилось тогда, на Черном озере Муст-ярв, явно не могло происходить на самом деле. Какие-то люди в старинных одеждах, погоня за девушкой, пущенные стрелы... Нет, не может такого быть! Оно понятно – закемарил с устатку, вот и приснилось, привиделось.

Привиделось. Однако так четко, правдоподобно... Эти синие глаза, золотые волосы... «Благодарю тебя, славный воин»... Ах!

Приятели между тем уже заказывали. Для начала – три пива «Эстрелла» и бокал сухого вина. Розалинда – Розалинда Михайловна – вино не жаловала, предпочитая напитки покрепче или вот пиво. А вот ее подружка Наденька, зам главбуха из роно, пила только вино. Правда, лошадиными дозами, за вечер запросто могла усидеть три бутылки какой-нибудь «Риохи», причем не особо пьянея. Бухгалтерская закалка, чего уж!

– Гена, давай две паэлы закажем. Одной мало будет. Она хоть и большая, но...

– Две так две. Заказывайте.

– Экий ты сегодня немногословный.

Официантка принесла пиво с вином, пока ждали паэлью – выпили.

– Мальчики, а давайте завтра в Барселону съездим! – тряхнув высветленной челкой, предложила Наденька. Маленькая, сухая, заводная, она не давала покоя никому. Какой там пляж! Часа два в день – не больше. А как же – ведь надо все посмотреть, и, самое главное, пробежаться по лавкам!

Кстати, тут Геннадий был с ней полностью согласен. Не насчет лавок, конечно, насчет «посмотреть». На пляже-то и дома можно налегаться, озер с реками полно, да и лето нынче выдалось жаркое. Здесь, в Каталонии, посмотреть было что, хоть и не первый раз сюда уже летали, правда, не в точности такой вот компанией. В прошлый раз, года три назад, вместо Розалинды другая девчонка была, Вера. Худенькая такая, навроде вот Наденьки. Впрочем, какая разница? Все равно – не та, не синеглазая... Да, а ведь старик-то был настоящий! Не мог же он сразу обоим привидеться – ему, Гене, и девятикласснице Ленке. Раз старик – настоящий (местный сумасшедший, наверное), то, может быть...

– Ген, ты за Барсу или как? Все же недавно ездили.

– Ездили, а в Испанскую деревню не заходили. Вот и зайдем, посмотрим. Там красиво, я на сайте видела. А билет – тринадцать евро всего.

– Ого – тринадцать евро! Да еще электричка по восемь – и это в одну только сторону.

– Ну, поехали, мальчики, а? Чего тут делать-то? Всё ведь излазили уже.

Всё – да не всё. Еще вчера, стоя на смотровой площадке обрывистого утеса, пышно именуемого «Балкон Средиземноморья», Геннадий заметил кое-что интересное. Внизу, сразу за железной дорогой, начинался пляж, точнее целая береговая линия пляжей – Коста Дорада, плавно переходившая в Коста дель Гарраф и тянувшаяся до самой Барселоны и дальше – Коста дель Маресм, Коста Брава...

Далеко слева Гена разглядел скалы – целую грудку светло-серых камней, напоминавших те самые, «поющие» валуны, что стояли по болотистым берегам Черного озера. Может, и эти – поют? Висевшая у него на шее сердоликовая бусинка, между прочим, все время была теплой! «Это – мой камень. Он там – где я. Я далеко – он холодный. Я рядом – теплый». Так говорила златовласая красавица Эдна. Фея лесных снов...

– Э-эй, Гена. Ты где? Давай-ка – за все хорошее! Чин-чин.

Утром Геннадий проснулся рано, намного раньше других. Он и дома поднимался точно так же – с первыми лучами солнца, а часто – еще и до них. Часов в шесть утра. Зарядка, пробежка километров семь, легкий завтрак и к восьми – как огурчик, на работе. Вот и здесь, на отдыхе, Гена режим не менял – к чему? Чтоб потом опять привыкать?

Проснулся, вышел на балкон снятой на недельку квартиры. Апартаменты – как здесь было принято говорить. Большая с двумя диванами гостиная с кухней, плюс спальня, которую сразу же заняли Серега с Наденькой. Гостиная с диванами осталась Геннадию и Розалинде. Нет, они пока еще вместе не спали, но все к тому шло. Завтра уж точно переспят или послезавтра – вопрос времени.

Стараясь не шуметь, молодой человек прикрыл за собой дверь и, спустившись по лестнице вниз, на улицу, зашагал к морю. Еще было прохладно, еще не выкатилось на небо жаркое южное солнце, но город уже не спал. Просыпался, гремя мусорными бачками, шуршал автомобильными шинами, звенел голосами дворников, поливающих мостовые водой из длинных разноцветных шлангов. Хорошо было кругом, не жарко, бодренько! Уже запели ранние птицы, а где-то внизу с грохотом пронеслась в Барселону первая электричка.

Миновав железную дорогу, Геннадий снял кроссовки и зашагал по кромке прибою. Его вязкие следы, оставленные на желтом крупнозернистом песке, тут же слизывали волны. Здесь всегда были волны. Иногда – большие, иногда – не очень. Потому что – море, потому что – ветер. Он здесь дул всегда.

Камни оказались вполне обычными. Скалы как скалы. Светло-серые, вылизанные волнами и ветром... и, конечно, с рисунками! И с граффити, и с надписями. Названия каких-то маленьких, не известных никому, кроме самих жителей, городков... имена – Ваня, Лена, Фернандо: музыкальные группы – «Саратога», «Тьера Санта», «Слэйер», «Барон Рохо», ну и – «Футбольный клуб «Барселона» – как же без этого?

Геннадий усмехнулся: написать, что ли – «Зенит» – чемпион»? Как раз бы в тему, да нечем. Если только обломком каким... Вот там, внизу, как раз подходящий. Вроде...

Не поленись, молодой человек спустился по камням вниз, почти к самому прибою, невзначай оглянулся... и вздрогнул! На самой нижней, ближе всех к морю, скале белела спираль! Такая же, как и на поющих камнях озера Муст-ярв!

Совпадение? Или какой-то общий неолитический символ? А черт его... И все же – значит, не зря пришел, да и бусина... Бусина – теплая... Хотя, верно, просто нагрелась.

Сфотографировав спираль на мобильник, Геннадий выкупался и, растянувшись прямо на песке, рядом с камнями, закрыл глаза, представив рядом с собой – Эдну. Не в сарафане, а в чем-то более пляжном... в шортиках или лучше в бикини... Загадочная красавица синеглазка оставила в душе Иванова глубокий след. А еще – надежду. Надежду на новую встречу. Ведь бусина же, сердолик этот – не зря.

Златовласая дева пришла! Явилась! Такая же красивая, как и всегда. Вышла прямо из волн, улыбнулась, стянула через голову сарафан, оставшись в одном ярко-красном купальнике...

– Вот мы и встретились, мой славный витязь. Рада, что ты не забыл меня...

– Я тоже рад...

Юная красавица села рядом с Геной на песок, обняла парня за шею... и с жаром поцеловала в губы... Ах...

Что-то зазвенело в воздухе, так гулко, что молодой человек тут же проснулся и, распахнув глаза, недоуменно закрутил головой. Потом вскочил на ноги, осмотрелся, прислушался... и улыбнулся, поняв – это пели камни! Вот эти самые скалы, неуютно серые, раскрашенные неумелыми граффити, камни, пели, звенели, исходили радостью, встреча в первые лучи восходящего солнца. По морю, среди бирюзовых волн, пробежала дрожащая золотисто-солнечная дорожка, сверкающая так, что стало больно смотреть. Геннадий прикрыл глаза... и вдруг услышал шаги.

Обернулся. К нему подходили трое. Трое мускулистых парней в шароварах и наброшенных на голое тело жилетках. Двое – совсем молодые, бритоголовые, с серьгами. Один – постарше – в тюрбане. Кто это, местные гопники? И чего их тут носит, с ранья? Ну, ведь сейчас огребут, мало не покажется. Зря, что ли, Гена борьбой занимался и немного боксом? Огребут, огребут, тут уж без вариантов. Ну, подходите, чего тянете-то?

Парни между тем вели себя вполне дружелюбно. Подойдя ближе, заулыбались, бросили пару слов – как видно, поздоровались.

– Ола! – улыбнулся в ответ Гена. Привет, мол, как дела?

Парни неожиданно поклонились, тот, что в тюрбане, снял заплечный мешок и, присев на корточки, принялся доставать из него какие-то вещи, выкладывая их рядом с собой на песке. Блестящие стеклянные бусы, разноцветные флакончики, резные шкатулки, простенькие браслеты, перстеньки и прочая бижутерия.

Продавцы сувениров, ага. Только вот торговались они как-то странно: выложили все на песок и отошли: мол, смотри, выбирай, никто на тебя не давит.

Можно, конечно, было и послать этих торговцев куда подальше, да не хотелось зря обижать людей, тем более с утра. Работа у них такая, бизнес, что поделаешь? Бусы, кстати, неплохо бы Розалинде презентовать... или лучше духи? Да, духи – лучше.

Пожав плечами, Геннадий наклонился, взял в руки флакончик. Изящный, сделанный из толстого матово-голубого стекла под средиземноморскую древность. В горлышко вставлен не пластик, а пробка...

Открыв, Гена понюхал сначала один... потом другой... а на третий уже не хватило сил. Все вокруг поплыло, зашаталось, и песок вдруг рванул к глазам... и белый свет превратился в черный... как воды далекого озера Муст-ярв.

* * *

Иванов пришел в себя в каком-то сарае, среди таких же, как и он сам. Из одежды – одни купальные шорты, ни мобильного... ни сердоликовой бусины. Все сперли, черти! Голова, конечно, болела, но все же не настолько сильно, чтоб совсем нельзя было соображать. Что с ним произошло, Гене, в общих чертах, было совершенно ясно. Чертовы гопники подсунули отравленный аэрозоль, вырубил, обобрали... да и самого прибрали, похитили. В заложники, что ли, взяли? Судя по всему – так. Как и всех этих людей...

– Э-эй, – привалившись спиной к стенке, молодой человек дотронулся до локтя ближайшего соседа – курчавого смуглолицего парня. – Спик инглиш? Парле франсэ? Эспаньоль?

Испуганно отпрянув, парень что-то буркнул в ответ. Гена повел плечом. Совершенно непонятный язык. Наверное, каталонский.

Народу в сарае оказалось немало, с дюжину человек, парни да молодые мужчины. В основном смуглолицые брюнеты, но встречались и светловолосые бородачи, впрочем, ни по-русски, ни по-английски они не говорили, а немецкий, тем более испанский, Иванов не знал. Сарай был заперт, сквозь щели меж толстыми досками проникали внутрь полосы яркого солнечного света, отчего и все узники казались какими-то полосатыми, будто в лагерных куртках-пижамах.

Всех держали взаперти, и пока было непонятно – кто и зачем. Исламисты, игиловцы – очень может быть, потому как кроме них больше, пожалуй, и некому. Разве что – торговцы человеческими органами. Нет уж, тьфу-тьфу... лучше уж исламисты... А вообще, непонятно, что лучше... или уж – что хуже. Смотраться бы отсюда как можно быстрее, используя подходящий случай.

Понемногу приходя в себя, молодой человек еще раз внимательно осмотрел помещение. Осанистое, надежное, грубое. Крепкие, вкопанные в землю столбы, толстые не струганные доски. Что это – бук или граб? Какое-то южное твердое дерево. Голыми руками не возьмешь, нечего и пытаться. Что же тогда остается? Подкоп? Опять незадача – почва-то твердая, почти как камень. Лопатой, и той не возьмешь, только киркою. М-да-а-а, угодил, однако...

Некоторые узники негромко переговаривались все на том же непонятном языке, большинство же сидело молча. Кто-то дремал, а кто-то просто тупо пялился прямо перед собой, устремив взгляд в одну точку. Их можно было понять – стресс, однако.

Сколько они все тут уже сидели? День, два... а может, и больше? Геннадий pokrивился – из дальнего угла остро пахло мочой. А в туалет тут, похоже, не водят. Чертовы мрази!

Приглушенные голоса узников вдруг резко замолкли. Снаружи слышались шаги, что-то скрипнуло... и дверь, точнее говоря – тяжелые двустворчатые ворота узилища распахнулись настежь.

Все те же гопники, правда – их уже стало намного больше, человек десять. Одеты также в рубища, зато с короткими копьями и кинжалами, а тот, что в тюрбане – с мечом в потрепанных ножнах!

Ну, надо же – мечи, копья... Средневековые какое-то. Варварство. Правда, игиловцы (запрещенные в РФ) как раз его и возрождают. Отсюда, верно, весь этот псевдосредневековый антураж. Сейчас, поди, головы рубить начнут, сволочуги!

Нет, не начали. Тот, что в тюрбане, похоже, признавался всеми за старшего. Невысокого роста, но коренастый, крепкий, он чем-то напоминал крепко сбитого колхозного битюга или старого быка с мутным взором. Широкие штаны, расшитые (такое впечатление – стразами) туфли, короткая туника, распахнутая на волосатой груди. Круглое, обрамленное небольшой черной бородкой, лицо, вовсе не жестокое, а, скорее, усталое. Обычное, ничем не примечательное лицо, разве что загорелое... у Петровича, трудовика, такое с похмелья бывает. Щегольской зеленый тюрбан, толстая шея. На кожаной перевязи, на поясе – меч с затейливой рукоятью и почти без перекрестья. Металлические браслеты на руках, круглая серьга в ухе. Наверное, медь, хотя, может, и золото. На шее – ожерелье из серебряных монет, какие когда-то любили носить цыгане... И среди монет – мобильник и та самая сердоликовая бусинка, Гена ее сразу узнал! Вот ведь гад... ладно – мобила, но бусина-то тебе на кой хрен сдалась?

– Файрутдин... – отчетливо прошептали позади, рядом. – Файрутдин-гази.

Файрутдин-гази. Значит, так зовут предводителя исламистов. Впрочем, это имя ничего Иванову не говорило.

Выйдя вперед, Файрутдин-гази подбоченился и что-то властно сказал. Все узники торопливо встали и стали выходить из сарая по одному – экстремисты сразу же связывали им руки за спину. Вышел в свою очередь и Геннадий, покорно подставил руки. А что было делать-то? Нарываться на верную смерть? Удобного для побега направления покуда нигде не просматривалось. Сарай располагался на неширокой улочке, с обеих сторон перекрытой крепкими парнями с копьями и кинжалами. Проверять их на готовность применить оружие что-то не очень хотелось. Лучше уж обождать, выбрать более подходящий момент.

Узников быстро выстроили в колонну. Кто-то из гопников щелкнул бичом, опустив его на спину первого попавшегося парня. Несчастный дернулся и вскрикнул от боли. Никто не обратил на него никакого внимания. Пошли.

Это точно была Таррагона! Только какая-то непонятная, чужая. Был пляж, были знакомые камни – но не было железной дороги, и не маячили на рейде ожидающие разгрузки корабли. Хотя корабли-то в гавани были – но только парусные. Убогие рыбацкие фелюки. А где же фешенебельные яхты гнусных мошенников и ворюг? Где сухогрузы, где танкеры? Где, наконец, портовые краны, где? И железнодорожный вокзал куда-то делся... и «Балкон Средиземноморья». Нет, собственно, утес-то был, только смотровой площадки – не было. Зато римский амфитеатр – вот он, пожалуйста, на своем месте. Все те же развалины, никуда не делись. Какие-то изможденные люди таскали оттуда камни, бесстыдно разворовывая археологические древности. Куда только полиция смотрит... Вот уж действительно – куда?

Экстремисты вели себя чрезвычайно нагло – шагали себе спокойно, ни от кого не прячась, вели пленников, и никого это не интересовало. Разве что пара полуголых мальчишек, любопытствуя, увязались следом, да и те тут же отстали, едва только увидели гневный взгляд Файрутина-гази.

Не доходя до того места, где должна была находиться железнодорожная станция Ренфе, колонну узников резко завернули направо, в город. Вместо просторного бульвара Рамбла

карабкалась на холм какая-то грязная немощеная улица, сворачивая меж хижинами к крепостной стене, прямо к распахнутым воротам! Ну, точно – средневековые. Прямо хоть фильм снимай.

Никаких признаков цивилизации вокруг видно не было: ни автомобилей, ни мотоциклов, одни только гужевые повозки, запряженные медлительными волами. У ворот, как и положено, находилась стража – воины в панцирях с нашитыми металлическими бляшками. В руках – короткие копья, длинные кинжалы у пояса, сферические блестящие шлемы на головах. Кино, да и только!

Стражники, как видно, хорошо знали предводителя гопников. Подойдя к ним, Файрутдин-гази приветливо поздоровался и сразу же протянул каждому по большой серебряной монете – надо полагать, взятку сунул, стервец. Благосклонно кивнув, стражи заулыбались, и караван узников спокойно прошел сквозь ворота в город... представлявший собой некую смесь из древних римских развалин и архитектурного антуража «Тысячи и одной ночи». Угрюмые серые башни крепостных стен и мрачные строения времен раннего Средневековья соседствовали с изящными башенками минаретов и шумным восточным базаром, на который и вошла вся процессия буквально через пару минут.

Узкую площадь закрывали от солнца шесты с натянутой тканью, дующий с моря ветер приносил приятную прохладу, вообще, по всему чувствовалось, что здесь любят жизнь... и по возможности – комфортную, пусть без кондиционеров, зато – с навесами, тенью и ветерком. Геннадий вдруг ощутил жажду и заводил глазами по рынку. Торговали тут всем – и тканями, и антикварной посудой, и еще какой-то непонятной хренью, и, кроме всего прочего, фруктами, овощами, мясом. Вот только воды вокруг видно не было. Ни одного киоска. Ни намек на прозрачные холодильные шкафчики с «Фантой», «Колой», «Аквой»... Не было! Гена все глаза просмотрел, да так и не высмотрел. Правда, как оказалось, воду все ж таки продавали. Смачно зевнув, Файрутдин-гази подозвал мальчишку-разносчика с чем-то вроде самовара за спиной. Кинул парню монетку, и тот налил ему стаканчик воды... или чего-то подобного, от чего и сам Иванов не отказался бы.

Базарный шум вдруг пререзал истошный, пронзительный крик, донесшийся откуда-то сверху:

– Алла-а-а-а и-и-и... бисмилла-а-а-а....

С ближайшего минарета кричал муэдзин, созывая народ на молитву. Ну, правильно – у мусульман как раз сейчас время намаза.

Многие принялись расстилать коврики, ориентируясь по крику. Упал на колени и Файрутдин-гази. Примеру хозяина последовала и вся его кодла, и многие торговцы, правда, далеко не все.

– Алла-а-а бисмилала-а-а-а... илляху-у-у алл-а-а-а...

Бежать! Вот теперь наконец-то самое время!

Узник рванул, не думая, куда глядели глаза. Свернув за угол, помчался, не разбирая дороги, лишь бы подальше от фанатиков, от всего этого средневекового анклава. Заявить в полицию? Несомненно. И как можно быстрее. Может, еще удастся спасти остальных заложников. Хотя бы попытаться, успеть.

На него уже глазели, показывали пальцами, и беглец, сдерживая себя, перешел на быстрый шаг, а, когда закончился намаз, свернул в первую попавшуюся таверну. Заспанный хозяин – добродушный светлородый толстяк – что-то спросил, как показалось Геннадию, по-немецки. Верно, принял за немца.

– Нихт шиссен, – виновато улыбнулся молодой человек. – Гитлер капут, ага. Не шпрехаю я по-немецки, понимаешь, не шпрехаю!

Толстяк между тем продолжал что-то говорить, почти силой усадил гостя за столик, даже принес кувшинчик вина и кружку. Понятно, мусульмане-то к нему не заходили – грех, а до аншлага, до вечера еще было рановато.

– Не, не, не надо мне вина, платить нечем, – замахал руками беглец. – Лучше воды принесите, понимаете, воды. Дринк... Тринкен...

Хозяин заулыбался, пододвинул Гене кружку... что-то сказал, на этот раз, похоже, что по-испански или по-каталонски. Как ни странно, Иванов почти все понял – мол, пей, платить не надо, угощаю, мол.

Что ж, раз угощают...

– Спасибо. Грасьяс. Мне бы в полицию позвонить. Понимает? Полис. Срочно.

– Но, но, – округлил глаза кабатчик. Похоже, с полицией он дела иметь не хотел. Что ж, бывает.

Геннадий улыбнулся: что ж, этот не хочет, найдем другого. Главное ведь – свалил! Получилось-таки. А этот Файрутдин-гази, похоже, опаснейший террорист. Вон, сколько заложников захватил, собака.

– Ну, я пойду. Грасьяс за вино, грасьяс. Не, не, не, вина больше не буду. Мне полицию бы. Полис!

– Полис, полис, – неожиданно закивал толстяк.

Все так же улыбаясь, он мягко усадил гостя обратно за стол и, приложив палец к губам, направился к выходу. На пороге кабатчик чуть задержался, обернулся, успокаивающе кивнув:

– Полис, полис... Полис.

Наверное, участкового позовет – расслабленно подумал Гена. Или как он тут у них называется – инспектор? Да какая разница, как бы ни назывался. Хоть какая-то официальная власть. Сообщить, да возвращаться поскорее к друзьям – они уж его, верно, обыскались.

Хозяин таверны отсутствовал недолго. Не прошло и минуты, как он уже вернулся, и не один... а в компании все тех же экстремистов! Войдя, Файдруддин-гази что-то довольно бросил кабатчику и, взглянув на беглеца, торжествующе ухмыльнулся. Потом что-то сказал и, не дождавшись ответа, махнул рукой своим подручным.

Гопники не заставили хозяина повторять приказ дважды, быстренько окружили Геннадия, поигрывая копьями и плетью. Похоже, убивать беглеца они вовсе не собирались, иначе бы пристрелили сразу – что мешало-то? Пистолетов ни у кого в руках не было, даже у главного. Ну... раз так...

Швырнув тяжелую табуретку в того гопника, что оказался слева, молодой человек рванул вправо, ударив копыеносца в челюсть – снизу, кривым. Хороший вышел удар – парняга отлетел к стенке и, ударившись затылком, «поплыл», медленно оседая на пол. Брошенная табуретка вывела из строя и того, что слева... однако остальные, быстро сориентировавшись, выставили вперед наконечники копий. Ловко так, попробуй, прорвись!

Ну, так на то еще и стол имеется! Правда, тяжелый оказался, гад, не свернуть. Да и главный экстремист неожиданно заменил копеечников на амбалов, здоровяков с бычьими загривками. Таким что табуреткой по башке, что лбом об стол – один хрен, ни черта не почувствуют. Оглоблины, что и сказать.

Однако делать нечего. Одного Гена ударил с ноги, второго достал апперкотом, третьему уж хотел было залудить кривым ударом в печень... да не успел. Зарядили самому! Зазевался слегка – вот и прилетело кулачищем в ухо! А поди, не зазевайся тут, когда трое на одного.

Снова все поплыло перед глазами. Ну, тут уж было ясно, от чего. Не нокаут, так нокдаун, однозначно. Победа гопников по очкам.

К упавшему тут же подскочили, пнули пару раз под ребра... но на том и закончили, повинувшись строгому окрику старшего. Едва беглец немного оклемался, как его тут же вздернули на ноги, да, связав за спиной руки, поволокли вон из таверны. Как оказалось – обратно на

рынок, где у невысокого деревянного помоста покорно ждали остальные узники. Правда, их уже осталось меньше половины. Остальных что же – убили?

Да вот, оказывается, нет... Не веря глазам своим, Иванов увидел, как одного из заложников возвели на помост, окруженный какими-то людьми в балахонистых одеждах. Встав рядом с узником, Файрутдин-гази улыбнулся, что-то сказал... словно бы прокомментировал...

Один из «балахонщиков» показал ему три пальца. Второй – угрюмого вида старик – четыре. Четыре. Ровно четыре монеты и легло в подставленную ладонь Файрутдина. Старик махнул рукой каким-то парням, по виду слугам – и те проворно свели с помоста покупку.

Вот именно – покупку! То, что сейчас происходило перед глазами изумленного до глубины души Геннадия, было не чем иным, как куплей-продажей невольников, никаких не заложников, а самых обыкновенных рабов!

Что же... на органы продали? Тогда уж лучше бы сразу убили. Гена дернулся и сплюнул, правда, выругаться матом не успел – подошла его очередь выставляться на продажу. Оставшиеся покупатели угрюмого, с синяком под левым глазом невольника откровенно побаивались – кому нужен такой строптивый раб? Однако хитрый Файрутдин-гази рассчитывал вовсе не на них, а на кое-кого другого... не замедлившего появиться, как в хорошем спектакле – под занавес.

Это был статный, хорошо сложенный мужчина лет сорока, явно европеец, с красивым вполне интеллигентным лицом, обрамленным щегольской «шкиперской» бородкой, одетый в узкие, заправленные в сапоги брюки и просторную темную тунуку, подпоясанную богатым наборным поясом, на котором висели меч в коричневых ножнах и плеть.

– О, Али-Акбар, – завидев нового покупателя, радостно воскликнул Файрутдин-гази.

Он еще что-то добавил по-своему, кивая на Иванова, а потом принялся что-то быстро рассказывать, кивая и помогая себе жестами. Надо сказать, в искусстве мимики хозяин гопников не одну собаку съел: момент удара табуреткой изобразил, как вживую, так, что и Али-Акбар не выдержал, засмеялся, поглядев на Геннадия с явным одобрением. Похоже, неудавшийся побег невольно прибавил беглецу очки.

Выслушав рекламную речь Файрутдина, Али-Акбар поднялся на помост и лично пощупал мускулы Иванова, и даже не поленился заглянуть в рот. Что и говорить – классика! Работоторговец и раб.

Черт побери! Да что ж тут такое делается-то? И, главное, похоже – на полном серьезе всё.

После осмотра принялись торговаться. Долго, со вкусом и смаком. Али-Акбар несколько раз уходил... потом возвращался снова и снова уходил... и так несколько раз. Геннадий даже усмехнулся: ну словно дети малые, совсем уж больше заняться нечем.

Порешили на паре десятков золотых монет! Золотых явно – сверкнули. Геннадий волею неволей возгордился, приосанился – отнюдь не за каждого такую цену дают, отнюдь. Приосанился и тут же сплюнул – еще не известно, чем вся эта гнусная бодяга закончится.

Расплатившись, вальяжный покупатель не спешил откланяться, а еще о чем-то долго говорил, периодически повторяя «Мухаммад» и поднимая глаза к небу. То ли пророка упоминал, то ли какого-нибудь султана-халифа-эмира. Ну да – эмира. Испанией ведь когда-то владели арабы. Неплохо, кстати, владели – искусства всякие расцвели, ремесла, искусства. Так это что же, получается – реконструкторы? Тогда какого хрена посторонних в своих играх используют, да еще – иностранцев? А ну-ка, те возмутятся? Как в том фильме – «Это роль ругательная, прошу ее ко мне не применять». Нет, у самих башка сбрендил, так и играйтесь, радуйтесь, чего на других-то переходить? Может, кому-то не очень хочется, чтоб его копьем по башке били... даже и тупым концом.

Наговорившись, сладкая парочка – Файрутдин и Али – чуть и не в обнимку потащились в ближайшую таверну. Ту самую. Не забыли прихватить с собой и часть прихлебателей, и даже купленного раба – Иванова. В кабаке уже стало довольно-таки многолюдно, однако выбежав-

ший навстречу хозяин – у-у-у, гадина! – усадил почетных гостей на террасу в прохладной глубине внутреннего двора. Туда же потащились и прихлебатели с невольником Генной.

Что продавец, что покупатель наверняка считали себя правоверными мусульманами, тут и думать нечего. Однако же мусульмане-то они мусульмане, а винище жрали ничуть не хуже всех прочих – в три горла! Кстати, великий Омар Хайам тоже ведь мусульманин, а как вино любил! Какие стихи ему посвящал! Даже не стихи – вирши. Вот, помнится...

Подходящие строчки из богатого наследия Омара Хайама Иванов так и не вспомнил, да не очень-то и старался. Ему тоже поднесли вино, правда, руки благоразумно не развязали. Пришлось пить так, по-собачьи прихлебывая из принесенной предателем-кабатчиком чаши.

Странно, но Геннадий уже больше ничему не удивлялся. Вот – совершеннейше! Наверное, привык, или просто интересно стало – а что дальше-то будет? Вроде никто его больше не бил, наоборот, вином вот угостили... кстати, весьма неплохим.

Али-Акбара и Файрутдина в таверне явно знали – заглядывая во дворик, завсегдатаи уважительно раскланивались. Высокие гости тоже не чинились, кивали в ответ, а кое-кого и приглашали к себе на террасу, выпить. Среди этих последних, кстати, было как-то не особенно много мусульман, все больше добрые христиане католики, судя по четкам да крестам. Ну, понятно – в одной игре участвовали... в каких-то отвратительных, явно запрещенных играх!

Снова подошел хозяин. Гнусная рожа! Улыбался, улыбался, поддакивал – а потом сдал. Видать, Али-Акбар с Файрутдином-гази тут вместо полиции. По крайней мере, влиятельней – уж точно.

Что-то казалось странным в этой таверне, словно бы чего-то такого не доставало. Табачный дым, льющаяся из динамиков музыка (рок, попса или джаз), болтовня по мобильникам, светившаяся над рядами бутылок «плазма» – ничего этого не было! Ни-че-го. Так и не могло быть, если уж тут реконструкция – так все по-настоящему, как в старину было. Именно так, по-настоящему и поступали с пленниками, обычными, ничего не подозревающими людьми. Били, истязали, продавали в рабство. Или пленники тоже были в игре, в деле? И он, Геннадий Викторович Иванов, оказался среди них просто по воля случая. Так надо объяснить! Хорошо бы... только ни английского, ни уж тем более русского, здесь, похоже, не знали. Или притворялись, что не знали, такое ведь тоже могло быть.

Али-Акбар назвал хозяина Адальбертом. Вот уж точно – не арабское имечко. Да и большая часть собравшихся в таверне людей ничуть не походила на восточных людей. Обычные европеоидные рожи – белобрысые, рыжие, русые... Кто-то сидел за обычными столами, а кто-то – на террасе, поджав под себя ноги и беря еду руками из расставленной на расстеленном ковре посуды. Да, вот еще – девок не видно! Хотя вот проскочила парочка – в национальных, как тут принято, одежах. Грубые башмаки, широкие юбки, вышитые сорочки.

Да! И никто почему-то селфи не делал! Это в таком-то антураже? Вот уж поистине странно.

Между тем почетные гости закончили трапезу и, сойдя с террасы, направились к выходу. Присевшего в уголке двора Геннадия тут же ткнули в бок палкой... вернее – тупым концом копыя. Даже не покормили, сволочи! Ла-адно...

Уже начинало смеркаться, и в темно-голубом небе вспыхнули желтые звезды. Густо-оранжевая луна отражалась в море медной колыхающейся тарелкой. Тянул легкий ветерок, стало куда прохладнее. Вокруг сильно пахло водорослями, гнилой рыбой и йодом.

Ну, конечно – распрощавшись с Файрутдином-гази, вся процессия направилась в гавань, в порт, освещая дорогу факелами! Да и порт-то оказался вполне соответствующим мрачному укладу средних веков: темный, грязный, загадочный – без вязких там кранов, терминалов,

прожекторов. В призрачном свете луны покачивались у причалов многочисленные фелюки и прочие парусники, меж которыми виднелись и узкие гребные суда – галеры.

На одну из таких галер и взошел Али-Акбар со всей своей свитой. Кто-то из корабельных тотчас же бросился с докладом, вытянулся, поедая возвратившегося хозяина преданным, как у собаки, взглядом. Часть воинов прошли по узенькой палубе на корму, туда же повели и Геннадия, надо сказать – довольно грубо. Насколько успел рассмотреть пленник, освещенный факелами и луной корабль выглядел на редкость изящно, примерно так же, как гребные суда древности – какие-нибудь биремы, триеры... Узкий корпус, шириной метра четыре, имел в длину метров сорок или чуть больше... уж в этом Иванов не ошибался, примерно на такое расстояние обычно кидали теннисный мяч шестиклассники, сдавая зачет. Высокий форштевень, массивный, заглубленный в воду таран, обитый металлом, высокая мачта с висевшим на косой рее зарифленным парусом – чтоб построить такой кораблик, надо о-очень много денег! Да уж, денег в этой мерзкой игре, судя по всему, хватало. И наверняка были несчастные случаи. Очень даже запросто. Правда, все они наверняка заминались – в игрищах, судя по всему антуражу, участвовали люди далеко не бедные. Интересно, где они место такое нашли? У моря, но без железной дороги, и очень похожее на Таррагону. Хотя рельеф здесь примерно везде одинаковый, от Коста Дорады до Коста Бравы. На Коста Браве, правда, камней побольше.

Вдоль высоких бортов галеры располагались скамеечки для гребцов, на которых в живописных позах спали прикованные (!) к тяжелым веслам гребцы. Одна из скамеечек оказалась свободной... туда и усадили пленника.

– Э-эй, – завидев кузнеца с наковальней, Гена откровенно запротестовал. – Не надо меня приковывать! Я не согласен!

В шею тут же ткнулся кинжал, расцарапав кожу до крови. Уроды! Фанатики! Твари! Ладно... коль уж такое дело...

Кузнец – широкоплечий верзила в кожаном фартуке – знал свое дело нехудо. Пара минут, несколько ударов – и вот уже руки нового раба стянули кандалы да цепи, приковавшие незадачливого парня к тяжелому веслу. Вот незадача-то! Теперь уж не убежишь, не прыгнешь! А как же... как же естественные надобности справлять? Ага... верно в ту дыру, в которую с палубы стекала вода.

Сделав свое дело, кузнец ушел, ушли и прихвостни Али-Акбара, оставив прикованного пленника наедине со своими не очень-то веселыми мыслями. Впрочем, долго побыть одному не удалось – через какое-то время Гену негромко окликнули сзади.

Молодой человек тотчас же обернулся. С ним пытался заговорить какой-то белобрысый парень, полуголый и обвитый мускулами, как культурист. Чуть вытянутое, вполне приятное лицо с курносом носом, светлая свалывшаяся борода – все это Геннадий сумел хорошо рассмотреть, луна. Слава богу, светило ярко. Так же были хорошо заметны многочисленные шрамы, покрывавшие все тело атлета... Это где ж его так угораздило? В цирке, что ли?

Сотоварищ по несчастью что-то спрашивал... похоже, что по-немецки... или на каком-то похожем языке – шведском, норвежском, голландском...

Иванов отозвался по-английски и, увидев, что его не поняли, выругался:

– Вот же, блин, чучелы безъязыкие.

– Ты – рус, друг? – внезапно переспросил культурист. – Из какого племени? Кто твой конунг... князь?

– Ого! Да мы по-русски умеем, – хмыкнув, Иванов усмехнулся и облегченно вздохнул. Ну, наконец-то хоть что-то удастся узнать! Хотя что-то... Правда, насколько сосед по веслам осведомлен о всей той чертовщине, что здесь творится?

– Из России я, да... Из Петербурга... почти... – торопливо поведал узник. – А ты кто? И что вообще здесь такое?

– Мое имя – Рольф! – атлет с гордостью выпятил грудь, насколько это было вообще возможно в данных условиях. – Рольф, сын Сигурда Черное Весло, сына Гнорра Беспалого. Я прошел все моря и все земли, от Иберии до Гардарики, откуда ты родом, друг. Бывал в Альдейгь-юборге, и в Миклагарде, у ромеев, чей конунг сидит на золотом троне.

Конунги, значит... ага... А парень-то явно – того! Да пускай себе мелет, может, что-то и прояснится...

– Нынче мой вождь – Железнобокий Бьорн, пенитель морей, сын знаменитого конунга Рагнара Лодброга – «Мохнатые Штаны», чьи ватаги потрясают ныне всю Англию!

– Ах, вон оно что, – подыграл Гена. – Слышал, слышал.

Половину того, что говорил сошедший с ума бедолага, Иванов не очень-то понял, но основной смысл разобрал вполне.

– Так кто же твой конунг, друг?

– Хм... Мой конунг... Владимир, наверное... Получается так.

– Вальдмар-конунг? – собеседник неожиданно оживился, даже на скамье подскочил. – Из данов?

– Да нет, вроде русский.

– Из руссов... ага... Так ты должен бы звать Фарлафа сына Торольва Синий Зуб и... и еще Эймунда Гадарссона и... и... и много кого еще!

– Да знаю, – скривившись, отмахнулся пленник. – Тебя, значит, Рольфом зовут?

– Рольф – Кривая Секира, друг, – бедолага глухо звякнул цепью.

– И давно ты здесь?

– Если говорить словами ромеев – второй месяц. С тех пор, как подлые мавры заманили в ловушку нашего ярла, славного Сигурда по прозвищу Ледяной Меч, сына великого...

Второй месяц... Ну, ничего себе! Однако как проверишь-то? Может, Рольф этот врет.

– Все эти люди – они кто? – быстро перебил Иванов. – И вообще – где мы? Можно ли отсюда бежать?

– Вот именно – бежать! – Рольф довольно ахнул. – Клянусь молотом Тора, я знал, что найду себе напарника даже здесь! Сами боги послали тебя, э-э...

– Гена. Геннадий, – запоздало представился молодой человек. – Если точнее – Геннадий Викторович Иванов.

– Гендальф, – собеседник качнул головой. – Гендальф сын Вингульда из Гардарик... Нет, не слышал. Но это не умаляет твоей славы, друг!

– Хрен с тобой. Пусть будет – Гендальф, – махнул рукой Геннадий. – Так эти-то все кто? Этот... как его... Али-Акбар и прочие.

– Али-Акбар – славный ярл мавров...

– Кто бы сомневался!

– Этот ромейский дромон он захватил в битве, собрал викингов... их здесь зовут – гази.

– Гази... – задумчиво протянул Гена. – Так дружка его так и зовут – Файрутдин-гази, кажется.

– Файрутдин – тварь! Нидинг! – Рольф неожиданно разволновался. – Подлая собака, не воин, нет. Воруется людей, продает... Так вот кто тебя продал. Теперь знаю, ага.

Эта странная беседа уже стала надоедать Иванову. Еще бы, сколько слов уже сказано, а ситуация не прояснилась ничуть. Вот и поговори с сумасшедшим. Какие-то конунги, ярлы, мавры – бред сивой кобылы!

– Мы вообще где? Город, город какой?

– Таррагона, – атлет повел могучим плечом. – Бывший город готов... нынче принадлежит маврам, Магомаду-конунгу.

– Тьфу ты, опять двадцать пять! – рассердился Геннадий. – А Барселоной тоже конунги правят?

– Нет, там наместник. Некий Гумфрид, граф Барселоны, Руссильона и Нарбонны. Маркиз бургундов и готов.

– Еще лучше – наместник! Аж целый граф.

Иванов раздраженно стукнул ладонью о скамью и выругался.

– С Гумфридом воюет Али-Акбар, – между тем продолжал собеседник. – Нападет на его земли, жжет, угоняет жителей в рабство.

– Ну, понятно, понятно, в рабство. Как же без этого-то?

Дальше разговор не продвинулся – славный Рольф Кривая Секира внезапно уронил голову на грудь и тут же уснул, как ребенок. Через пару минут тяжелый сон сморил и Геннадия, или, как его тут прозвали – Гендальфа. Пленник вдруг провалился в черную дыру и очнулся лишь утром... и проснулся не сам.

В глаза ударило солнце. Послышалась громкая ругань, просвистела над головой плеть, хлестко опустилась на плечи, ударила, обожгла резкой болью.... Ах ты ж сволочь бородастая!

Надсмотрщик – яростный, голый по пояс бородач в сером тюрбане – быстро подскочил к следующему гребцу, все так же размахивая плетью...

– Выходим в море, – крикнул сзади Рольф. – Крепче держи весло и гребь в такт барабану.

И в самом деле тотчас же ударил барабан. Потом забил чаще, задавая темп гребле. Геннадий поспешно ухватил весло за ручку, погреб, принаравливаясь к остальным. Спасали прежние навыки – Гена не только на байдарке работал веслами, но и когда-то, еще студентом, участвовал в соревнованиях по академической гребле. Правда, в университетскую сборную не вошел, да и вообще они тогда позорно продули, однако навык сохранился, чего уж.

– Ты – человек драккара! – улучив момент, одобрительно крикнул Рольф. – Мавры – дураки, сажают на весла невольников. Все равно, что подставлять к своей заднице кол.

Может, викинг-культурист и не так в точности выразился, но смысл был именно такой.

Геннадий повернул голову:

– Куда мы идем, Рольф?

– В Барсу! Али-Акбар задумал потрепать графское побережье. Там живут поклонники распятого бога. Бога же мавров называют – Аллах.

Левый борт поднял весла – табанил, корабль сильно качнуло, как видно, капитан выполнял поворот и налетел на высокую волну. Затем, повинувшись приказу, затабанил правый борт, судно выпрямилось и, покачиваясь, поплыло под мерные удары большого корабельного барабана. Рядом, на палубе, расположились вооруженные копьями и мечами люди. Кто-то из них сидел, привалившись спиной к мачте, кто-то спал, подложив под голову щит. Гена насчитал человек шестьдесят, однако, возможно, воинов было и больше – на корму гребец не заглядывал – неудобно для шеи.

Что там творилось вокруг, Геннадий не видел из-за высокого борта. Весельный порт был зашит кожей, а отверстие для стока воды располагалось слишком низко – невозможно было заглянуть.

Нынче повезло с ветром – совсем немного приходилось грести, лишь подправляя курс. Гена активно учился, посматривал, как гребут другие, как держат весла, как дышат... впрочем, он и так прекрасно знал, как ставить дыхание, ворочая тяжелым веслом. Профессионал все же.

Галера (или как ее обозвал Рольф – дромон) шла довольно ходко, делая, по прикидкам Иванова, узлов десять в час. Судя по солнцу, и впрямь двигались на север, в сторону Барселоны, где с такими темпами должны были быть уже вечером... ближе к ночи.

К вечеру, однако же, причалили к берегу. Пока опустили парус, подошли к причалу, пришвартовались – уже и стемнело, быстро и несколько неожиданно, как и всегда на юге. Где-то рядом, на берегу, запели цикады, донесся горьковатый запах костра и жареной рыбы. Покор-

мили, наконец, и гребцов – вкуснейшей печеной треской, которую все уписывали за обе щеки. Вкусно, очень даже, жаль только – почти что без соли.

Высокий борт скрывал берег, и Гена постоянно прислушивался. По всем прикидкам, где-то здесь, совсем недалеко, находился Эль-Прат – международный аэропорт Барселоны. Какой-то из терминалов, первый или, скорее, второй. По всей округе гул должен был стоять от взлетающих и садящихся самолетов. Должен был, однако же не стоял. Тихо было кругом, лишь пели цикады, слышались обрывки голосов да доносился откуда-то из предгорий отдаленный собачий лай.

Напоив гребцов безвкусной тепловатой водой из большого кожаного мешка – меха, – надсмотрщики приказали ложиться спать, что все и сделали, хоть и не особо устали. Хороший выдался денек, чего уж, и не гребли-то почти, не употели, не умаялись.

Вот, только где ж самолеты, черт побери? Почему не летают-то?

На все эти вопросы не дал ответа никто. Да и некому было – единственный собеседник, больной на голову бедолага Рольф уже давно крепко спал, навалившись на валик весла могучей, покрытой шрамами грудью.

Всех разбудили засветло, и галера тронулась в путь, едва рассвело. Судя по разноцветным вымпелам, время от времени вздымавшимся на мачте, судно капитана Али-Акбара шло к Барселоне не одно, а в составе целой эскадры. Сколько там было кораблей, никто из гребцов не видел – мешали борта.

На этот раз парус не поднимали, шли под веслами. Пришлось попотеть, поработать, не раз и не два словив плечами беспощадную плетть надсмотрщика. Правда, Геннадий быстро приновился к ритму, а вот сидевшим впереди смуглым парням приходилось несладко.

– Хорошо гребешь, Гендальф! – хмыкнул позади Рольф. – Клянусь конем Одина, мы с тобой еще походим под парусом пенителей волн!

– Так уже идем, – буркнув в ответ, Иванов половчее перехватил весло, не такое уж и тяжелое, как показалось поначалу.

Барaban ухал все чаще, и все чаще опускались в воду весла: раз-два, раз-два, раз... На корме вдруг резко запела труба! Левый борт затабанил. Корабль резко повернул. До того сидевшие на палубе воины резво вскочили, похватав щиты, мечи и короткие копья. Вооружение, впрочем, отличалось полным разнообразием, частенько встречались и боевые топоры, и различного вида палицы, и луки.

Снова послышался звук трубы. Воины дружно заорали, замахали над головами оружием. Корабль резко дернулся. Огромный камень, брошенный с берега какой-то метательной машиной, просвистев над палубой, ухнул в воду рядом с кормой, окатив всех солеными брызгами.

Ругаясь, забегали надсмотрщики. Левый борт поднял весла... галера взяла левее... И тут огромный булыжник с воем угодил в середину палубы, сея вокруг смерть и кровь! Трое воинов были просто раздавлены, как тараканы, на глазах у всех, в том числе – и у Гены. С треском переломилась мачта, упала на головы несчастных гребцов, круша черепа и кости. Самая настоящая смерть! Множество смертей... Кровь, ужас и гибель.

Не-ет... Никакая это не игра! Все на самом деле. Все всерьез. Все – взаправду.

Глава 2

Уклоняясь от обломков мачты, воины бросились на правый борт. Дромон опасно наклонился, едва не зачерпнув воду, и Геннадий, наконец, увидел берег. Залитые утренним солнцем холмы – Монтжуик и Тибидабо, серые крепостные стены, приземистые гребные суда, окружившие гавань, словно волки добычу.

– Барселона? – резко обернулся пленник.

Рольф закивал:

– Баршала, Баршала, да. Да помогут нам девы Одина, друг!

Да помогут...

Барселона, значит? Но если Таррагону Иванов еще хоть как-то опознал, то этот вот небольшой городишко, скрывавшийся среди крепостных стен, уж никоим боком не напоминал изысканно современную каталонскую столицу! Где памятник Колумбу, набережная? Где пляжи Барселонетты, где канатная дорога, бульвар Рамбла? Саграда Фамилия, знаменитое творение Гауди – где?

Ничего этого не было. Одни стены. Люди на стенах. И штурмующий узкую гавань флот. Мавританский.

Корабль постепенно выпрямился и причалил. Воины поспешно выбрались, переваливаясь через борта, донесли крики и звон оружия. Но как там происходил бой, гребцам видно не было. Лишь слева по берегу вдруг потянулись черные дымы, видать, нападающие подожгли предместья.

Над самым бортом вновь пронеслись камни, и где-то совсем рядом вздыбился к небу столб пламени – вероятно, осажденные совершили вылазку и подожгли соседний корабль. На палубе дромона уже давно не было ни воинов, ни самого Али-Акбара, лишь слышен был шум неистовой схватки. Крики, звон мечей, лошадиное ржание.

Пропели над головами гребцов огненосные стрелы. Впились в палубу и борта, задымили...

– Так они и нас сожгут! – кусал губы Геннадий. – Эй, Рольф, похоже, самое время убраться отсюда.

Викинг поначалу не понял:

– Как это – убраться?

– Ну, уйти поскорей, уплыть. Сначала – подальше в море, а там видно будет.

– Ух! – миг оценив идею, белобрысый здоровяк вскочил на ноги и что-то громко закричал. Метнувшегося к нему надсмотрщика он задушил тут же – цепями, да так быстро и ловко, что Гена и моргнуть не успел. Вот уж поистине – прирожденный убийца.

Кое-кого из гребцов оставшейся на корабле команды все же удалось убить... Правда, запала хватило не надолго – озлобленным невольникам было абсолютно нечего терять, тем более – впереди вдруг забрезжила свобода!

Теперь уже командовал Рольф, правда, отнюдь не все слушались его беспрекословно. Кто-то из гребцов саботировал, бросив весло и уткнувшись лицом в колени. И все же за викинг-гом пошло большинство, и этого оказалось достаточно, чтобы дромон, сдав малым ходом назад, вслепую совершил разворот и направился в открытое море, навстречу судьбе... или смерти.

Никто из укрывшейся на разбитой корме команды больше не осмеливался нападать на гребцов – чревато! Наоборот, все морячки, почуяв, что пахло жареным, проворно попрыгали в море. Дромон же, набирая ход, шел навстречу восходящему солнцу, сильно припадая на корму, в которой, похоже, все же имелась изрядная пробоина. Впрочем, дерево легче воды, и чтобы утопить деревянный корабль – это надобно было очень хорошо постараться.

Пока все только гребли, слушая Рольфа, – ориентируясь по солнышку, белобрысый скандинав задавал темп криком.

Так проплыли часа три, пока корабль совсем не отяжелел от воды. Тогда Рольф что-то крикнул и принялся возиться с цепью. Сей вполне уместный почин тотчас же подхватили и другие, в том числе и Геннадий. Надо сказать, корабельный кузнец, ни дна ему ни покрышки, знал свое дело туго – приковал на совесть, словно кузнечным прессом цепи вбил. Однако нет такой цепи, в которой не оказалось бы слабого звена. Где-то что-то проржавело, где-то расширилось. Осталось лишь вдумчиво поискать слабинку. Первым освободился невысокого роста крепыш с черными, как смоль, кудрями и белой кожей. Всю спину его покрывали кровоточащие шрамы от плети... как и у многих здесь, как и у многих. Освободившись, крепыш тотчас же бросился помогать соседям. Не прошло и часа, как цепи порвали все, и громкими воплями поблагодарили за свое спасение богов. Тех, в которых верили.

Следом за Рольфом Геннадий поднялся на корму. Глянул, опираясь на сломанный фальшборт. Вокруг, насколько хватало глаз, плескалось синее море с белыми барашками волн.

– Ко дну мы сейчас, конечно же, не пойдем, – подойдя ближе, сухо заметил кудрявый. – Но и долго идти не сможем, я уже не говорю о скорости.

– Ты знаешь русский?! – услышав родную, пусть и слегка корявую речь, Иванов изумился до глубины души.

– Меня зовут Бен Лазар, – улыбнулся бывший невольник. – Я – торговец из Картахены. Часто бывал в Константинополе, знаю тамошних русов.

– Что такое? – вмиг повернулся Рольф.

Бен Лазар повел плечом:

– Надо возвращаться к берегу, норманн. И лучше – на север, во владения графа Гумфрида.

– В лапы к маврам? – мужественное лицо викинга скривила презрительная ухмылка. – Нет! Лучше смерть.

– А кто говорит про мавров? – торговец покачал головой. – И о графе никто не говорит. На северном побережье есть множество укромных местечек, где мы сможем оставить тонущий корабль.

– Он говорит дело, – поддержал Геннадий. – Отдаться на волю волн без оружия и припасов, с полными трюмами воды... Это было бы слишком уж опрометчиво, друг мой Рольф!

Выслушав обоих, викинг махнул рукой, соглашаясь, и Бен Лазар быстро донес идею до всех. Против никто не выступил, даже те немногие, кто изначально был против побега и первое время даже не брал в руки весло. Так и правда, одно дело – болтаться неизвестно где, и совсем другое – иметь вполне конкретную цель. Укрыться на побережье да спокойненько разойтись. Кому-то, может, и повезет добраться до родных мест, остальным же... И все же участь вольного бродяги куда лучше горькой судьбы раба!

Набравший полные трюмы воды дромон шел к берегу, как корыто: тяжело, вязко, словно автомобиль со старыми, с нагаром, свечками. Гребцы, однако же, делали свою работу упорно и стойко, никто не отлынивал, еще бы! Работали-то теперь на себя, а не на чужого дядю – мавританского разбойника по имени Али-Акбар.

По очереди сменяя друг друга, выставляли впередсмотрящего, и пару раз уже вынуждены были сменить галс, спасаясь от показавшихся на горизонте парусов. Первым землю заметил молодой парень Херульф из Толедо – древней столицы вестготов. На вид лет пятнадцати, тощий, с торчащими ребрами, как он только выжил в гребцах? Так ведь и не выжил бы, умер бы рано или поздно, не выдержав непосильного труда и побоев.

– Земля, земля! – указывая рукою вперед, громко заорал Херульф. – Вон там скалы, видите?

Подумав, Рольф повел тонущий дромон прямо на скалы, предполагая посадить его на мель где-нибудь в удобном месте. Так и вышло – вскоре под килем противно заскрипел песок, судно вздрогнуло, уперлось носом в берег и медленно завалилось на левый борт.

– Ну, вот и все, – прыгнув в воду, потер ладони Бен Лазар. – Теперь молитесь богам. Кто каких знает.

Слева по берегу маячила какая-то рыбацкая деревушка. Полузатопленное судно, вне всяких сомнений, давно уже заметили, и наверняка выслали соглядатаев – посмотреть, чем там можно поживиться. У всех жителей побережий мораль общая, кем бы они там себя ни считали – христианами, мусульманами, язычниками.

Граф Гумфрид был христианским правителем, но среди гребцов дромона имелось множество язычников, северных дикарей норманнов, с которыми Рольф Кривая Секира быстро нашел общий язык. Попадать в руки барселонского графа им вовсе не улыбалось, ибо достигавшие здешних берегов викинги грабили отнюдь не только одних мусульман. Доставалось и христианам, не испытывавших к северным людям никаких нежных чувств.

Как и следовало ожидать, мнения освободившихся рабов разделись. Большинство собиралось вернуться домой, ну а те, чей дом было далеко, находились в глубоких раздумьях. Что делать? Поступить ли на службу к христианину Гумфриду или пойти послужить во флот властелина мавританской Испании Мухаммеда? Или просто-напросто объявить себя «гази» – искателями удачи на свой страх и риск? В общем-то таковыми беглецы сейчас и являлись.

Беспокойные волны бились о борт корабля, увы, уже непригодного для плавания без доброго ремонта, который в этих местах вряд ли кто мог ему дать.

– Кто хочет уйти – пусть уходит, – усевшись на плоский камень, негромко заявил Иванов. – Держать силой не будем никого.

Бен Лазар согласно тряхнул кудрями, добавив, что и тем, кто останется, хорошо бы убраться отсюда как можно быстрее.

Мотнул головой и Рольф:

– Пусть те, кто уходит – уйдут. А мы уж потом разберемся.

Ушла почти половина ватаги. Те, кто остались в живых. Кто-то угодил в рабство случайно и собирался выкупиться, кто-то надеялся на помощь родных стен, а кое-кто – имелись и такие – всерьез собирались принять ислам, а значит – получить свободу.

Как пояснил Бен Лазар, мавры вовсе не стремились к обращению покоренных народов в свою веру, предоставляя покоренным народам право: либо принять ислам, либо платить подушную подать (сверх поземельного налога). Завоеватели, предпочитая земные выгоды интересам религиозным, считали, что не стоит силой приобщать к исламу покоренные народы, тем самым лишаясь добавочных податей. За теми, кто подчинился, мавры признали право собственности на все их имущество с обязательством платить поземельный налог с пахотных земель и с земель, засаженных плодовыми деревьями. То же самое касалось и монастырей, куда «со своим уставом» не лезли. С невольниками мавры обращались довольно-таки мягко, а кто из рабов переходил в ислам – тот становился свободным.

Вереница бывших рабов потянулась к холмам... причем несколько человек, посоветовавшись, зашагали к деревне.

– Дураки, – глянув им вслед, с ухмылкой бросил Рольф Кривая Секира. – Деревенские схватят их и снова продадут в рабство.

– Может, и не продадут, – Бен Лазар пригладил непокорную шевелюру и сожалением посмотрел на дромон, напоминавший выброшенного на берег кита – издыхающего исполина. – Они христиане и, вполне возможно, помогут своим единоверцам, не требуя ничего взамен. А, может – и захотят нажиться. Как кости лягут.

– Чьи кости? – непонимающе моргнул Иванов.

Торговец улыбнулся:

– Игральные, господин Гендальф. Игральные. Ах, помнится, как-то раз, в Малаге, я чуть было не выиграл целый корабль с пряностями!

– Пора уходить, друг, – на плечо Геннадия опустилась тяжелая рука Рольфа. – Во-он к тем холмам. Думаю, там найдется, где укрыться хотя бы на время.

От всей ватаги осталась всего-то дюжина человек, вооруженных прихваченными на дромоне копьями, секирами и мечами. Геннадий с Рольфом и Бен Лазаром, еще четверо данов, остальные – лица, национальности неопределенной, в их числе и щедушный парнишка Херульф из Толедо.

– Этого хорошо бы прогнать, – кивнув на подростка, Кривая Секира подмигнул Гене и взял за локоть торговца:

– Скажи ему, чтоб уходил. Нам не нужны слабые.

Пожав плечами, Бен Лазар схватил Херульфа за руку и что-то сказал, видать, перевел слова викинга.

Дернув головой, парнишка с мольбою упал на колени. В блестящих карих глазах его вспыхнул самый настоящий ужас! Подросток что-то залопотал, склонился, касаясь каменистой почвы грязными спутанными волосами.

– Не хочет уходить, – перевел торговец. – Просит оставить.

– Не хочет – убьем, – викинг меланхолично сплюнул. – Сдалась нам эта обуза! Так и скажи, Бен...

– Постойте, – подумав, решительно вмешался Геннадий. – Я полагаю, нельзя вот так запросто прогонять человека. Мы же о нем ничего не знаем? А вдруг он чем-то окажется полезен?

– Да чем, друг?

– И все же, Бен, спроси – чем он занимался до того, как угодил в рабы? Какое ремесло ведает?

Мальчишка оказался садовником. Родителей он не помнил и всю жизнь провел в слугах у одного богатого мавра, от которого потом сбежал, не вынеся побоев и издевательств.

– Садовник! – хмыкнул Рольф. – Тоже еще – ремесло.

– Но он все же сбежал – значит, решительный.

– Но попался, значит – дурак.

– Так вообще-то мы все попались.

Махнув рукой, викинг не стал больше спорить, и обрадованный Херульф зашагал вместе с остатками ватаги, стараясь держаться поближе к Геннадию и Бен Лазару. Беглецы шли быстро, устраивая лишь кратковременные передышки, а ближе к вечеру выбрали удобное для ночлега место близ глубокой расщелины, поросшей густыми зарослями самшита и тамариска.

– Думаю, нам надо выставить часовых и присмотреть пути отхода, – осматриваясь, предложил Иванов. – Еще нам нужна вода и пища. И хорошо бы разложить костер.

Согласно кивнув, Кривая Секира указал рукой на прозрачный дымок, поднимающийся из-за невысокого перевала. Вообще, горы здесь были низкие, не горы даже, а так, отроги, холмы.

– Видишь дым, Гендальф? Там, скорее всего, пастухи. Их нужно убить – будет и вода и пища.

– И местные тотчас же окружат нас и нападут!

– Они и так нападут.

– Но не так быстро, сначала присмотрятся.

– Тогда надо выслать лазутчиков!

– Надо... Эй, Бен Лазар! Позови-ка сюда Херульфа.

Парень вернулся через пару часов, усталый, но весьма довольный и радостный. Принес головку овечьего сыра, вяленое мясо и старое огниво.

– Пастухи дали. И показали, где здесь родник.

– А что ты им сказал?

– Сказал, что иду в Манресу, в монастырь. Туда много паломников ходит, – Херульф шмыгнул носом и продолжил: – Пастухи предупредили, чтоб я был осторожней. В предгорьях бродят шайки гази. Хватают всех, продают в рабство.

– Посмотрим еще, кто кого продаст, – хмыкнул в кулак Рольф.

Слава богу, оружие имелось в достатке. И короткие мечи, и секиры, и метательные копья – сулицы. Моряки дромона оказались людьми запасливыми. Еще до наступления темноты удалось завалить косую, которую тут же освежевали мечами и пожарили на углях догорающего костра. Потом все сходили к роднику, напились.

Привалившись к большому камню, Иванов устало вытянул ноги и задумчиво повертел в руках меч. Самый настоящий меч, пусть и коротковатый, и без перекрестья-гарды вообще. Уже стемнело, и в отрогах перекрикивались какие-то ночные птицы. В самшитовых зарослях пели цикады, пахло чем-то сладковато-пряным, приятным и благостным.

Выставив часовых, беглецы разом повалились в траву и захрапели. Лишь к Геннадию сон почему-то не шел, все бродили в голове самые дурацкие мысли. Дромон, рабство... все эти странные люди и не менее странные города. И главное – полное отсутствие любых намеков на современность: ни железных дорог, ни линий электропередач, ни залитых светом кварталов. Самолеты – и те в небе не гудели! Из всего этого Иванов давно уже сделал довольно страшненький для себя вывод... просто не хотел его озвучивать даже в мыслях. А ведь все равно придется!

Похоже на то, что угораздила его нелегкая оказаться совершенно в другой эпохе, кою Иванов пока что определил как раннее Средневековье. Ну, а что еще-то? Сумасшедшие в таком количестве по матушке земле не бегают, да и у повернутых на истории реконструкторов денег хватало бы, пожалуй, на один только дромон... ну, на два. Но уж никак не на целый флот, и уж тем более не на город... города даже! Все правильно, и Барселона здесь имела, и Таррагона – только средневековые, без всякого Гауди и электричек. Так что вот вам – средние века, получите – распишитесь! К такому же выводу и малая ценность человеческой жизни подталкивала.

Вздохнув, молодой человек закусил губу и принялся вспоминать, что тогда было. Хотя бы примерно. Ну, викинги были, целая эпоха. Еще – Карл Великий, Рюрик, Вещий Олег с Ольгой. Арабы Испанию захватили – вот они, пожалуйста.

Но как такое вообще могло быть?! А вот так! Просто случилось. Скорее всего, в «поющих камнях» все дело... а, может, в сердоликовой бусине, подарке юной красотки Эдны. Нехудо бы бусину эту отыскать и вернуть, а потом попробовать вернуться в свою эпоху. Просто походить, покрутиться вокруг валунов, может, и повезет, кто знает? Пока же надобно просто выжить, что в данное время проблематично весьма. Не местные ухайдакают, так мавры, не мавры, так какие-нибудь разбойники-гази. Одному здесь не выжить, ватагу надобно заиметь... Так, собственно, вот она – ватага.

Впрочем, вдруг они уже завтра наткнутся на железнодорожную линию? Или самолет в небе пролетит? Да хотя бы смятая пивная банка, выброшенный на тропинку билет или осколки бутылочного стекла... Презерватив хотя бы использованный! Хоть какие-то признаки... Пока же не попадалось ничего. Может, Гена просто смотрел по сторонам невнимательно? Так ведь некогда было смотреть.

– Это не меч, а так, тьфу, – неслышно подойдя, присел рядом Рольф. – Не закален, без долов. Просто большой ножик. Да и заточен, вон, с одной стороны. В давние времена такие называли «скрамасакс». Почему – не знаю. Саксы ныне живут в Англии... там же и викинги. Наши даны туда хотят. Прибиться к какому-нибудь морскому конунгу или ярлу... их здесь много бывает. Только нужен корабль. Не обязательно драккар, на первое время любой сгодится. Корабль и хевдинг – вождь. Кстати, хевдингом, мы, друг Гендальф, решили выбрать тебя!

В ответ на сию новость Гена издевательски хмыкнул:

– Благодарю за доверие! Постараюсь оправдать.

Вождь. Хевдинг. Ну, а почему бы и нет? Раз уж тут средневековье...

– Ты храбр, мудр и умен, я приметил, – продолжал викинг. – Вроде бы и не приказываешь открыто, но как-то так получается, что выходит по-твоему. Даны согласны, Бен Лазар – тоже, остальных и спрашивать не станем.

– Хорошо, хорошо, – Иванов устало зевнул, прикрыв рот ладонью. – Хевдинг так хевдинг, черт с вами. Только... языками-то я не владею.

– Не страшно! Поможем. И я, и Бен. Готовься! Завтра мы поднимем тебя на щит, хевдинг.

– Так у нас пока нет никаких щитов.

– Добудем! Непременно добудем. В честном бою.

Геннадий передернул плечами – вот только «честного боя» для полного счастья и не хватало!

Новоявленного хевдинга разбудили под утро. Караульные даны доложили о появившихся соглядатаях.

– Двое м-мужчин появились б-близ родника, – чуть заикаясь, рассказывал рыжий Атли по прозвищу Холодный Нож. Круглое, густо усыпанное веснушками лицо его хмурилось. – Давно там крутятся, с ночи. Напились уже – так чего еще выждать? Подозрительно.

– Согласен, – выслушав перевод, Геннадий важно кивнул и перевел взгляд на другого дана – светлоусого Фридлейва Острый Топор. Тот был высокий, темноволосый – при светлых усах! – и чрезвычайно худой, тем более – для викинга. Худой, но жилистый, выносливый, крепкий. Рольф отзывался о нем весьма уважительно, называя «проворным в битве».

– Девчонка с мальчишкой ведут по тропе осла, – деловито доложил Острый Топор.

– И что с того? – забыв про субординацию, переспросил Бен Лазар. – Мало близ деревень всякой мелкой ребятни шляется? Небось, помогают родителям пасти скот.

– Не такие уж они и мелкие, лет по двенадцати, – дан покрутил левый ус. – Быстрые ноги, острые глаза. И осла ведут слишком уж долго.

– Что значит «слишком долго», – тут же насторожился Иванов. – Поясни, славный воин.

– Идут по тропе – до перевала могли б уже дойти раза два, точно, – с охотой объяснил дан. – Однако же не спешат. Почему? Либо кого-то ждут, либо – высматривают. Нас они давно уже заметили, клянусь молотом Тора! Обоих надо поскорее убить.

– Не надо, – резко возразив, Геннадий вскочил на ноги и махнул рукой. – Собираемся все. Уходим.

– И куда пойдем? – деловито прихватив остатки запечного на углях мяса, осведомился Бен Лазар. – К морю?

– Именно так, – вождь покивал, глядя, как быстро собираются воины. – Местность кругом незнакомая, местным легко устроить засаду. А у моря всегда будет шанс уйти, захватить лодку.

Беглецы двигались по узкой тропе, словно вышедшие на добычу волки, след в след. Первым шагал Фридлейв, за ним – Рольф, а потом уже вождь, за которым – все остальные. Замыкал

шествие юный Херульф – острые глаза и быстрые ноги, – коему было приказано немедленно докладывать обо всем подозрительном. Шли ходко, тем более – по холодку. Дул ветер. Где-то посреди моря вставало туманное солнце, протягивая желтые лучи к вершинам не столь уж и далеких гор.

Первым доложил Фридлейв. Ему отчего-то не глянулись потянувшиеся слева кусты. Честно говоря, разросшиеся на склоне заросли не нравились и Гене – слишком уж удобное для засады место. Сиди себе, дожидайся удобного момента, да засыпь стрелами, кого хочешь! Можно и камнями забросать – под горку-то.

– Обходим, – решительно заявил хевдинг. – Тихонько возвращаемся и сворачиваем...

Херульф где?

– Я – вот он, вождь! – тотчас подскочил мальчишка.

– Позади все спокойно?

– Да, но...

– Говори!

– Как раз хотел доложить. Показалось, будто там, на вершине, что-то блеснит.

– Блеснит? Всем затаиться и ждать. Посмотрим!

Блеска дождались почти сразу. И впрямь – на вершине холма вспыхнул вдруг солнечный зайчик. Вспыхнул и тут же погас... и вспыхнул снова...

– Кто-то подает сигналы, – сразу сообразил Иванов. – Зеркалом или начищенной до блеска крышкой. Да хоть сковородкой – нам все равно.

– Надо подняться на холм и всех там перебить! – бугайнушка Рольф Кривая Секира был, как всегда, в своем репертуаре. А что? Самое простое и эффективное решение. Нет человека – нет проблемы. Перебить – и всё.

– Подожди, – Гендальф задумчиво всмотрелся в холм, расположенный не очень-то и близко. Увидеть оттуда беглецов можно было, пожалуй, только в бинокль.

– Нет. Не по нашу душу, – мотнул головой Иванов. – И тем не менее, они мне не нравятся. Что-то тут затевается, вот ей-богу!

Бен Лазар внимательно посмотрел на вождя:

– Каким ты богом поклялся, мой господин?

– Господа на фонарях развешаны, – цинично пошутил Гена. – Бен, называй меня просто – товарищ, друг.

– Я понял... друг. Так что будем делать?

– То, что и собирались. Пройдем по склону холма...

– И всех перебьем нахрен! – Кривая Секира вставил свое веское слово.

На этот раз хевдинг с ним согласился:

– Да, скорее всего, придется поступить именно так. Вперед, друзья мои!

Беглецы ловко исчезли с тропы, как будто из там никого и не было. Пробирались зарослями, раздирая колючками кожу и стараясь не шуметь. Повезло, в кронах росших невдалеке пиний гудел ветер, поднявшийся еще с утра. Стиснув зубы, бывшие рабы поднялись почти к самой вершине...

– Вот они! – прошептал Бен Лазар.

Геннадий и сам уже увидел невдалеке, в полусотне шагов внизу, скопившихся на небольшой полянке людей. Пара дюжин человек, из них пятеро или шестеро – в длинных панцирях с нашитыми металлическими бляшками, а один – в сверкающей на солнце кольчуге, покрытой ярким красно-оранжевым плащом, напоминающим каталонское знамя. Все – в металлических шлемах, кое-кто с мечами, но большинство – с короткими копьями и дубинками.

– Видать, уже сообщили о нас своему господину, – все так же шепотом прокомментировал картахенец. – Тот прислал воинов. Немного, всего-то десяток. Остальные – деревенские ополченцы. Вряд ли они обучены искусству войны.

– Все так, – Рольф азартно сверкнул глазами. – Воинов надо убить первыми. О, мой вождь! Ты разрешишь мне взять на копье того, что в кольчуге?

– Бери, – глухо промолвил Гена. Не очень-то ему хотелось начинать кровавую сватку. Однако деваться-то, похоже, было действительно некуда.

– Все... – Иванов решительно сжал рукоять скрамасакса. – Вперед... Стой!

Там, на поляне, что-то случилось. Послышался стук копыт, и выскочивший из кустов всадник верхом на взмыленной лошади, как видно, принес важную весть. Настолько важную, что кольчужник и его воины тотчас же повскакали на лошадей, привязанных тут же. Помчались куда-то вниз по тропе, так что ополченцы уже не поспевали за ним.

– Однако что-то произошло, – задумчиво протянул Бен. – А что тут может произойти? Да самое простое! Думаю, на деревню просто напали с моря.

Так и случилось. Четыре корабля с косо висящими реями покачивались на рейде. Воины прыгали с них прямо на пляж, ибо глубина позволяла судам подходить почти к самому берегу. Короткие копья, кривые мечи, луки. Небольшие круглые щиты, обитые толстой воловьей кожей, выкрашенной в красный и коричневый цвет. Такие же кожаные доспехи, а кой у кого – и просто стеганный войлок. Европейские круглые шлемы, пестрые тюрбаны, просто кожаные шапки с затейливой арабской вязью.

Были ли это гази или какой-то регулярный отряд, сейчас сказать было трудно. Одно несомненно, приплывшие по морю воины окружали богатую и, как видно, многолюдную деревню. Брели в классические «клещи», предупреждая возможный отход. Это внезапное и довольно-таки наглое нападение имело перед собой только одну цель – не столько богатства, сколько рабы. Причальить, схватить, уплыть – так же внезапно, как и явились.

На окраине деревни, у развешенных для просушки сетей, уже начиналась схватка – слышались крики, сверкали на солнце мечи и шлемы. Хорошо видно было, как часть пиратов обходила деревню со стороны гор... откуда им усиленно семафорили «зайчиками».

На главной площади – пласа майор – грянул колокол. Собственно, укрепленной цитаделью здесь можно было назвать лишь одну церковь – массивную базилику с толстыми округлыми стенами и узенькими бойницами-окнами. Именно туда, к церкви, и бежали женщины и дети... Именно туда и ринулись нападавшие, перекрывая спасающимся все пути! Быстро переместившаяся непосредственно в деревню битва шла теперь за каждый дом!

С центральной площади внезапно потянуло дымом...

– Мы заберем их корабль, хевдинг? – негромко спросил Рольф.

Гена коротко кивнул – пожалуй, ничего лучшего нечего было бы и придумать. Воспользоваться суматохой, и...

– Вперед! – махнул рукой вождь. – Живее! Да... сможем ли мы управиться с парусами?

– Сможем! – одновременно откликнулись двое – Кривая Секира и Бен Лазар.

Словно змеи, беглецы проскользнули среди редких прибрежных скал, и, прячась за развешенными сетями, подобрались к самому кораблю. Это было изящное, явно килевое, судно с наборным корпусом из какого-то темного дерева – акации или тика. Между досками обшивки виднелся уплотнительный трос, придававший судну дополнительный запас прочности. Как нос, так и корма судна были покрыты затейливой резьбой и ярко раскрашены в белый и синий цвета.

– Ал-Андалус, – приподняв голову, негромко заметил картахенец. – Нахибу – капитан – оттуда.

Тени от двух мачт и косо закрепленных реев легли прямо на песок. Корабль резко вздымался на волнах, однако от берега не отходил. Как видно, на то имелся соответствующий приказ. Тем лучше!

Сплюнув, Геннадий оглянулся на горящую деревню и выхватил скрамасакс из потертых ножен:

– Вперед, парни! Да будет нам удача. Бон шанс!

Покинув свое укрытие, беглецы стремительно бросились в воду, взбираясь на борт по якорным канатам. Истинная белокурая бестия, Рольф Кривая Секира, вскочив на корму, взмахнул топором, раскроив череп подскочившему к нему матросу. Рядом уже махали дубинами даны, а Бен Лазар, прицелясь, метнул с берега копьё.

Еще несколько человек из ватаги Гендальфа один за другим поднялись по канату. Айрульф, Хильдегавд, Гилдоин... и еще кто с ними... Херульф! Да, Херульф – вот ведь не сидится спокойно парню. Мог бы и не лезть на рожон.

Где-то рядом вдруг послышался девичий крик, и подошедший к самой кромке прибоя Геннадий бросаться в воду раздумал. Сначала нужно было глянуть – что здесь такое, кто кричит, почему? Тем более что на корабле-то, похоже, делать уже было нечего, оставалось выкинуть в воду трупы да побыстрее отчаливать.

Крик повторился. Повернув голову, Иванов разглядел укрывшийся за развешенными сетями дощатый сарай. Длинный, но невысокий, предназначавшийся, видно, для того, чтоб хранить зимой лодки, а, может, и еще бог знает для каких надобностей. Именно оттуда и доносился крик.

Не раздумывая, Геннадий бросился к сараю со всех ног. Так и есть, помещение предназначалось именно что для лодок – низенькие воротца были распахнуты в сторону моря. Подбежав, молодой человек пригнулся и заглянул внутрь.

Там кто-то возился. Трое низеньких – или просто пригнувшихся – парней раздевали активно сопротивляющуюся им девчонку. Вернее, еще только пытались раздеть. Уже успели порвать юбку да сорвали сорочку с плеча, обнажив грудь с крупным торчащим соском. Сие зрелище тут же привело насильников в неопишное возбуждение, все трое начали сориться, отталкивать друг друга – кто первый? Хотя какая, казалось бы, разница? Это девчонке плохо, а им-то всем троим хорошо. Или просто кто-то боялся не успеть?

Девушка между тем взвизгнула и ударила ногою неосторожно подставившегося вояку, уже давно скинувшего доспех из бычьей кожи. Хорошо ударила, хлестко! Угодила в живот или чуть ниже, так, что незадачливый насильник скрючился и зашипел, словно испуганная гадюка. Второй, что-то крикнув, тут же схватил жертву за руку, дернул на себя, рванул... Девчонка дернулась и закричала от боли... что вызвало лишь веселый смех.

И еще кто-то завыл, тоскливо и злобно. Опаньки! Да тут еще какой-то парень валяется! Слева от ворот. Связанный. Небось, жених, ага. А что, если его развязать? Разрезать путы? Хоть какой-то союзник, все лучше, чем одному против троих. Тем более что использовать холодное оружие Геннадий не умел. Как-то вот не случилось из него фехтовальщика, не теми видами спорта занимался.

Ну да, смазливый молоденький паренек прямо выл от отчаяния и гнева! Скрипел зубами, ух-х... Как бы insult не хватил, однако!

Одним махом перерезав стягивающие пленника ремни, Геннадий ворвался в сарай, с ходу угостив прямым в челюсть дернувшегося к нему бандита. Второго Иванов тоже сумел отоварить – коротким крюком в печень, так что у бедолаги глаза полезли на лоб! Хорошо все с этим двумя стало, а вот с третьим... Третий выхватил меч.

С необычайно легкостью отбив скрамасакс Гендальфа, ухмыльнулся, взмахнул клинком...

Тут бы Геннадию и пропасть, кабы не помощь освобожденного паренька. Тот ворвался в сарай ураганом, схватил чей-то валявшийся меч, ударил... и принялся бить с такой настойчивостью, что только звон по всему пляжу стоял! Разбойник дал слабину или просто не углядел вовремя маневра – и получил клинком в грудь! Зря, зря панцирь-то сбросил, хоть и кожаный, а все ж неплохая защита, не пробил бы его закругленный конец местного меча, нет, не пробил бы!

Ну а так, без панциря, как говорится – получи, фашист, гранату! И поделом.

Схватившись за грудь, насильник захрипел и обмяк, тяжело упал в песок. Никакого пола в сарае, естественно, не имелось.

– Эрмольд! – поправив сорочку, вдруг закричала девчонка. – Эрмольд, там!

Она кивнула вправо – там уже пришел в себя тот, что угостился ударом в печень и теперь жаждал мщения! Жаждал, но меч подобрать не успел... буквально несколько сантиметров не хватило... Ах, с каким удовольствием парнишка вонзил клинок ему в шею! Надо было видеть.

Хлынувшая кровь оросила все вокруг, словно здесь забивали праздничного поросенка. Девчонка уже окончательно пришла в себя и тоже не тратила времени даром: схватив чей-то нож, всадила его в левый бок третьему, с разбитой челюстью, едва только тот пошевелился. Хорошо всадила, без дураков – по самую рукоятку!

Ох, товарищи дорогие... это что же здесь такое творится-то?

Одурев от крови, все трое – парень с девчонкой и славный хевдинг Геннадий Викторович Иванов – пошатываясь, выбрались из сарая. Вдохнув полной грудью свежий морской воздух, Гена глянул на море... и присвистнул. Из-за дальнего мыса с каменной башней вальяжно, один за другим, выплывали корабли! Штук двадцать... нет, тридцать... и даже более! Целый флот. Желто-красные замена, косые паруса... а вот и прямые! Настоящие ладьи с развешанными по низким бортам щитами... драккары?

Похоже, пираты угодили в ловушку. Вовсе не им сигналили с горных отрогов... а вот этим вот судам. Команды разбойничьих кораблей выпрыгивали на берег и благоразумно сдавались, глядя, как их незадачливые соратники, покинув деревню, разбегаются кто куда. Откуда-то с гор им навстречу выскочил отряд всадников с копьями и в длинных кольчугах...

Впрочем, вовсе не это волновало сейчас Гену. Корабль! Тот, что захватили его друзья. «Ал-Андалус».

С него уже тоже прыгали. А что делать? Не уйдешь, не сразаться же с целым флотом.

Из-за деревенских домов показался небольшой отряд всадников во главе со светлородым мужчиной в длинном синем плаще, наброшенном поверх кольчуги. Треугольный, сильно вытянутый книзу щит с синим единорогом на золотом поле, сверкающий, украшенный золотом шлем, меч – все это указывало на непростое происхождение всадника. Наверняка какой-нибудь местный князь. Или как тут у них принято – барон? Герцог?

Опираясь на трофейный меч – кривоватый и не слишком удобный – Геннадий искоса глянул на девчонку. Темные растрепанные волосы, зеленые глаза – та еще красотка! Белая разорванная сорочка – в крови, как и руки. Смазливый парнишка – темненький, смуглолицый – обнял свою подружку за талию. Оба заулыбались, девушка даже подпрыгнула и, помахав всадникам рукой, что-то крикнула.

Мужчина в синем плаще немедленно заворотил коня и, подъехав, спешился, обнял девчонку... Парнишка тотчас же поклонился, сжимая в руке трофейный окровавленный меч.

Девушка что-то быстро говорила, время от времени указывая на Гену, светлородный внимательно слушал, а потом подошел к Иванову-Гендальфу и протянул руку:

– Спасибо, что спас мою дочь, Эрмендраду!

Язык был похож на смесь немецкого и латыни. Древний язык германского племени вестготов, некогда владевших Испанией, а потом уступивших почти все земли арабам.

– Я – барон Хумбольд де Бесос, правая рука графа Гумфрида, властелин Матаро, Арениса и прочих.

Судя по почтительному поведению всех остальных, так оно и было, барон не врал. Да и зачем ему было врать-то? Иванов примерно понимал, о чем идет речь, и в свою очередь, представился сам – вежливо и с таким грациозным полупоклоном, подсмотренным в каком-то сказочном фильме.

– Гендальф из Руси. Не барон, но... можно сказать – рыцарь.

Слово рыцарь произошло от древнегерманского «риттер» – всадник, и Хумбольд де Бесос его прекрасно понял, правда, переиначил по-своему – «кабальеро» и, видно было, благодарил вполне искренне.

Тем временем его люди окружили всех выпрыгнувших с кораблей разбойников, а в их числе – и спутников Иванова. Пришлось срочно заступаться:

– Там мои друзья, – Геннадий вытянул руку. – Амигос, фройнд. Понимаешь?

Барон кивнул, что-то бросил мальчишке – тому самому... как его... Эрмольду. Эрмольд и Эрмендрада... ну, надо же! Язык сломаешь, куда выговоришь.

Почтительно склонив голову, юный Эрмольд подбежал к воинам барона, что-то сказал и, обернувшись, вопросительно глянул на Иванова.

– Я пойду, разберусь?

Хумбольд кивнул, хотя наверняка не понял ни слова. Да что тут было понимать-то? Все яснее ясного.

Все, на кого указал Геннадий, были тут же отпущены. Здоровяк Рольф и даны, кудрявый Бен Лазар, худющий Херульф и все прочие.

– Рад приветствовать вас, любезнейший господин, – Бен Лазар поклонился подошедшему барону. – Мы все – беглецы, наш вождь – славный Гендальф, которого вы...

– Да, я обязан вашему вождю, – коротко оборвал Хумбольд. – И, честно говоря, это единственное, что меня сдерживает от того, чтоб не вздернуть всю вашу шайку.

– О, господин барон! Мы вовсе не разбойники, как вы почему-то думаете! – картахенец возмущенно сверкнул глазами... хитрыми, желтовато-карими глазами торговца. – Наоборот, мы сами пострадали от мавров, клянусь святой Евлалией!

Юную святую Евлалию почитали на всем побережье от Барселоны и до самого графства Тулузского, хитрый купец это хорошо знал.

– Так ты что же, христианин? – барон вскинул брови.

– Христианин, мой господин. Среди нас нет мусульман, одни христиане и...

– И, я вижу, язычники... – насмешливо оборвал Хумбольд. – Вон те здоровые аскеманы... Впрочем, они могут мне пригодиться. Вполне.

Аскеманы – люди ясеня. Они же норманны, они же викинги, даны, варяги, варанги... Кто как и где звал.

– Уважаемый барон хочет предложить нам дело? – наострив уши, нагло переспросил Рольф. – Он не пожалеет, клянусь...

– Не вам, а вашему вождю, – Хумбольд де Бесос напрочь пресекал любую, излишнюю, по его мнению, болтовню. Мало ли, что говорит этот здоровенный норманн? Он вообще кто?

– Это – один из лучших моих воинов, – тут же пояснил Гена. – Можно сказать, правая рука.

Бен Лазар быстро перевел и еще что-то добавил, как видно, подчеркивая доблесть всех беглецов. Барон сухо кивнул и пригласил «славного кабальеро Гендальфа» на ужин.

– Там все и решим, вождь. Храбрецы понадобятся мне уже очень скоро.

На званый ужин «кабальеро» явился в сопровождении переводчика – Бена Лазара. Хитрый картахенец вел себя скромненько, за стол не лез, почтительно стоя позади своего вождя и шепотом переводя тому на ухо.

Как и предполагал Геннадий, зеленоглазая красотка Эрмендрада оказалась младшей баронской дочкой и нареченной невестой юного кабальеро Эрмольда, сына славного Гилдуина, дворецкого графа Гумфрида. Гилдуин ныне был уже давно покойным, и граф пристроил Эрмольда ко двору Хумбольда, в качестве воспитанника, пажа и оруженосца, намекнув, что сей юноша имеет все возможности занять место своего достойнейшего отца, безвременно погибшего от мавританской стрелы.

В те времена понятие «граф» означало лишь должность королевского наместника, управителя земель, типа губернаторов в современной России. Должность эта постепенно становилась наследственной, на что имелись специальные указания – капитулярии – Его величества короля Карла по прозвищу Лысый, божьей милостью правителя франков, бургундов и готов.

Не то чтобы барон де Бесос устроил пир на весь мир, но все же пригласил к столу немаленькое количество людей, как своих приближенных, так и тех, кто явился из Барселоны с флотом графа Гумфрида. Командовал флотом не сам граф, а его адмирал, невысокого роста крепыш по имени Фридегавд Велитель Ветра. Судя по псевдониму – человек вполне достойный своей высокой должности. Однако же и он не управлял всеми, у наемников норманнов имелся свой вождь, морской ярл, имевший в своем подчинении дюжину драккаров. Как раз вот сейчас ярл что-то запаздывал, но должен был вот-вот явиться.

Все это негромко поведал Геннадию Бен Лазар, внимательно прислушивающийся к разговорам и не стеснявшийся расспрашивать сновавших с яствами слуг. Кстати, не такие уж тут были и яства, в основном – жаренная на вертеле дичь да рыба. Еще пили прошлогоднее вино, новое еще не появилось. Так себе винцо, Иванову не очень понравилось – кислятина, да и пахло плесенью. Вот фруктовая бражка – совсем другое дело! Настоящая «сангрия», из тех, что Гена пробовал в бытность свою в Барселоне в разных подвальчиках по одному евро стакан.

– Рольф и даны хотят, чтобы нами командовал викинг, – шепотом напомнил бывший купец.

Гене, конечно же, хотелось бы и вовсе остаться без чьего-либо командования и быть хозяином самому себе. Однако же молодой человек хорошо понимал, что в данной ситуации лучше с бароном не спорить. Раз уж тот решил использовать беглецов на флоте, то отказываться было бы весьма опрометчиво. Дочка дочкой, но кто знает, насколько далеко простирается баронская благодарность?

– Видишь ли, мой славный хевдинг, любезнейший Фридегавд хорошо известен как очень неважный флотоводец, к тому же пьяница, да-а.

Неизвестно, как насчет первого, но со вторым Иванов был полностью согласен – сидевший недалеко от него «адмирал» поглощал бражку и вино просто-таки в невероятных количествах, слуги не успевали наливать.

Впрочем, барон быстро развеял все сомнения, прокричав через стол, что поручит новобранцев аскеманам. Норманнам, значит, язычникам... Что ж...

Оставалось только быть представленным морскому ярлу... который наконец-то явился...

– А-а-а, славный Торкель-ярл! – привстав, Хумбольд де Бесос потер руки.

Прямо к нему, а вернее к столу, через весь гулкий зал бывшего римского баптистерия чуть ли не строевым шагом шел высокий широкоплечий викинг. Узкое злое лицо, обрамленное редковатой, заплетенной в две тощие косички бородкой, наглый взгляд светлых, почти бесцветных и каких-то неживых, «рыбьих», половина головы обрита почти наголо, половина – сваливалась на левый бок темно-русой копной. Этаким панк с золотыми серьгами в ушах и тонкими, искривленными в презрительной усмешке губами. Короткая куртка, сшитая из узких полосок блестящей кожи, короткий меч в ножнах на расшитой жемчугом перевязи, совер-

шенно роскошный ярко-зеленый плащ с шелковым желтым подбоем! А ярл определенно не бедствовал.

Лицо морского вождя показалось Гене знакомым, где-то он уже видел эту гнусную рожу. Нет, вовсе не уродливую, смазливую даже, но именно что гнусную – самоуверенную, нахальную, с застывшей мерзкой улыбочкой, типа «я один тут господин, а вы все – твари». Этаким подленький нувориш.

– Ярла зовут Торкель Змея, – повертевшись среди слуг, шепотом доложил картахенец. – Именно «Змея», а не змей. Он из народа кюльфингов, что живет среди лесов и болот близ Альдейгью-борга.

Кюльфинги! Альдейгьюборг – Ладога! Гена похолодел, встретив перед собой злодея из давних снов. Ну да, Торкель... Торкель Кю! Да, именно так его звали. «Кю» – по-вепсски и значит – змея. Тот самый, что стрелял в Эдну из лука! Гад... Вот так встреча! Кстати, значит, и синеглазая красавица тоже где-то здесь, в этом мире! Раз здесь Торкель, почему бы не быть и ей?

– Говорят, Торкель-ярл был изгнан старейшинами за убийство сородича. Подался на юг, в Кенугард, а затем и дальше, в Миклагард, к ромеям. Там нанялся в дружину к базилевсу, разбогател. И вот, собрав флот, вроде как возвращается на родину, чтобы мстить... или занять трон! Всякое болтают. По пути предлагает свой меч всем, кто хорошо заплатит. Граф Гумфрид заплатил, и вот две дюжины драккаров Торкеля воюют на их стороне против мавров. Две дюжины кораблей! Немалая сила.

– И ты хочешь, чтобы мы ему подчинялись?

– Не я хочу – даны. И Рольф. К тому же наш новый сюзерен тоже, похоже, склоняется к этой идее.

Последнюю фразу Бен Лазар произнес по-латыни, но Геннадий все прекрасно понял. Он уже приноровился здесь многое понимать в полном соответствии и с пословицей – с кем поведешься, от того и наберешься.

Гендальф Рус (как его стали называть) и Торкель Кю договорились обо всем уже по ходу пира. Просто вышли во внутренний дворик, вернее, их туда пригласил гостеприимный хозяин Хумбольд де Бесос.

– У нас есть свой корабль, захваченный в честном бою, – первое, что заявил Геннадий, понимая, что копать прошлое – или все-таки – будущее? – сейчас не место и не время.

Ярл скривился:

– Мавританская лоханка с косыми парусами? Это не драккар... Но, если хотите, оставайтесь на нем. Тем более – это ваша собственность. Умеете обращаться с мавританскими парусами?

– Умеем, – тотчас же отозвался Бен Лазар.

– Я знаю, у вас мало воинов, – Торкель Змея неожиданно проявил осведомленность. – Могу дать.

– Я сам дам им вполне надежных людей, – парировал барон. – Об этом не беспокойтесь.

Ярл пожал плечами, черная куртка его скрипнула... Змеиная кожа... ну да, курточка-то оказалась сшитой именно из нее! Никак не меньше сотен шкурок ушло, это ж сколько надо было поймать ползающих тварей. По отворотам рукавов и на плечах белели пришитые к коже змеиные черепа... Пижон дешевый!

Скользнувшая по губам Гены улыбка вовсе не укрылась от внимательных глаз Торкеля и явно не понравилась ярлу.

– Смею напомнить, при штурме Таррагоны все викинги будут подчиняться мне. Воины Гендальфа-хевдинга – викинги. Так?

– Так, – Геннадий кивнул, стараясь понять, к чему клонит Торкель.

Тот неожиданно улыбнулся, вернее – осклабился:

– Ждите моих указаний, викинги. И точно следуйте им! В этом – залог нашей победы.

– Предлагаю за нее выпить! – словно скрепляя договор взмахом руки, предложил барон. Выпить... Никто и не отказывался.

* * *

Гендальф провел ночь на своем корабле. Да уж, именно так, «Ал-Андалус» уже можно было считать своим. Он спал на корме в капитанской каюте, и бьющие в правый борт волны раскачивали корабль, словно колыбель.

Торкеля-ярла даны знали, знал его и Рольф. Не лично, конечно, а по рассказам, довольно, кстати сказать, смутным и противоречивым. Сходились все эти слухи в одном: Торкель Кю хоть и жесток, но весьма удачлив и щедр. Эти качества притягивали к ярлу многих, иначе из кого он набрал экипажи для двадцати четырех кораблей? Пусть драккары Торкеля невелики, но на каждом как минимум двадцать викингов. Две дюжины кораблей... Сила! Однако для хорошо укрепленной Таррагоны этого было мало, что прекрасно понимал ярл, предложивший свой меч барселонскому графу. При этом кюльфинг убивал двух зайцев – получал жалованье и доходы от предстоящего грабежа. А в Таррагоне было, что грабить.

Графский флот отчалил уже на следующий день, к вечеру бросив якоря у Барселоны. И уже утром корабли двинулись на юг, к Таррагоне, где надеялись обрести поживу и отомстить за все поражения христиан. Что привлекало больше – бог знает, кого как. Иванов же и вовсе не хотел участвовать в штурме... просто все так складывалось, что деваться-то было некуда. Не прыгать же в море!

Средневековье! Раннее... блин.

Идти под косыми парусами оказалось трудно, но вполне возможно, правда, при смене ветра приходилось тут же переключать галс, стараясь, чтоб каждое движение рулевого весла в точности совпадало с поворотами реев. Рулевое весло взял в руки Рольф, Бен Лазар с помощью данов лихо управлялся с парусами, уча при этом и «юнг» – молодого Херульфа.

– Вот эту... эту веревку тяни... Да пригибайся! Иначе получишь реем по башке.

– Чем получу?

– Вот этой вот длинной палкой!

Хоть ветер был вовсе не попутный и по большей части дул в левый борт, судно шло ходко, слушаясь и руля, и ветрил.

– Добрый корабль, – нахваливал картахенец. – Правда, доски рассохлись уже. Да и неплохо было бы обновить мачты.

– А что лучше, – поинтересовался Геннадий, картинно опершись на фальшборт. – «Ал-Андалус» или драккар?

– Смотря для чего, – дождавшись, когда судно сменило галс, Бен Лазар присел на корме рядом с хевдингом. – Если для торговли – так лучше нашего судна нет. Бездельников гребцов кормить не надо. Ну, а для войны, для рейдов, даже уходить от погони... тут ничего лучше драккара нет. Пожалуй.

– А дромон?

– Дромон уж слишком громоздок, – встрял в разговор Рольф. – И неповоротлив на мелкой воде. А драккар, при нужде, можно и на берег вытащить. А потом спустить обратно на воду – запросто. Знаешь ведь, Гендальф, как у нас называют корабли... Конь волны, Зверь пучины, Скакун борта, Стрела ясеня...

Кривая Секира мечтательно прикрыл глаза. Быть может, ему грезился драккар, а может быть – завтрашний штурм. И добыча! Конечно же, добыча. Волоокские женщины, шелковые

ткани, драгоценности... Кстати, Рольф, как и даны, так и оставался без достойной одежды, приняв от людей барона лишь рваную рубаху с узкими штанами да самые простые кожаные башмаки – затягивающие вокруг ноги поршни. Оружие нашлось на захваченном корабле – кожаные, с нашитыми бляшками, панцири, пара кривых мечей, короткие копья. Гендальф, кстати, нынче сделался владельцем очень неплохого меча. Закаленный двухлезвийный клинок из тигельной стали с долом по центру, рукоятью под одну руку и характерным навершием в виде шляпки гриба имел длину около восьмидесяти сантиметров и весил около килограмма. Конец клинка был закруглен, что не позволяло наносить колющие удары, да и гарда казалась маловатой, плохо прикрывающей руку. Все дело в том, что в те времена удары мечом не парировали, им именно что рубили или, лучше сказать, рубились, подставляя под удар вражеского клинка щит.

Оружие сие Иванову преподнесли спасенные им Эрмольд и Эрмендрада. Тогда же, за ужином. Просто отозвали во дворик да вручили с поклоном. Владей, мол, славный морской вождь, если бы не ты...

Вот Гена и владел. С самого начала меч показался ему неудобным – слишком короткая рукоятка, да и тяжеловат, поди, таким помахай. С другой стороны – придется уж носить, красоты и памяти ради.

Сказать по правде, из всего захваченного на корабле арсенала Гене больше глянулись луки со стрелами, метательное копьё, секира и палица. Всем этим он овладел бы вмиг, только потренироваться малость. Жаль, негде было, разве что в Таррагоне, во время штурма. Так это уже не тренировка будет, а самый настоящий бой. К тому же Иванов хорошо понимал, что нельзя тренироваться на глазах у всех, показывая свое неумение, недостойное вождя. Однако и лезть без тренировки в бой... И снова – куда денешься-то? Уж придется.

Барон де Бесос (так назывался протекавший невдалеке от Барселоны ручей), как и обещал, прислал своих воинов. Около дюжины ополченцев, вооруженных копьями и дубинами, в кожаных, вполне добротных доспехах, в круглых железных шлемах, с длинными щитами, обитыми толстыми металлическими пластинами. Смотрелось воинство хоть куда, и воевать, похоже, эти угрюмые парни умели. Тем более жаждали отомстить, и уж конечно, поживиться, как же без этого? Впрочем, как оказалось, для их командира – плечистого десятника Вальдинга-Хосе – все это было отнюдь не главным. Отнюдь.

– Ненавижу мавров, – признался он хевдингу. – Всегда буду ненавидеть. До тех пор, пока они топчут нашу землю и оскверняют веру в Христа!

Что ж, каждому – свое.

Беглецы-христиане, что были вместе с Гендальфом с самого начала, ушли с корабля, не желая служить под началом язычника аскемана. Они вообще не желали воевать, а хотели вернуться к своим прежним мирным профессиям: кто-то был кузнецом, кто-то плотником, а кто-то – и ювелиром. Иванов их не удерживал – пусть себе уходят, тем более барон подкрепление обещал. Пожелал всем удачи, обнял, расцеловал. Всех, кроме юного Херульфа из Толедо. Тот совсем не желал уходить. Некуда было идти, и жить – не с кем. Родичи все давно погибли.

– Я везде чужой, мой хевдинг, – со вздохом признался мальчишка. – Только здесь хоть кому-то нужен... Спасибо, что не прогнал.

Даны и Рольф в общем-то над парнем смеялись, но не слишком обидно, больше подшучивали. Обзывали «великим воином» и радостно гоготали – мол, с таким никакие мавры не страшны, при одном виде все враги разбегутся. Херульф не обижался, чувствовал – в ватаге его признали за своего. Атли Холодный Нож даже показал ему, как управляться с мечом и секирой, а Фридлейв Острый Топор, подкрутив усы, научил бить кулаком, как он выразился, «прямо во вражью харю».

– А ты что же остался, Бен? – улучив момент, спросил картаженца Геннадий. – Нравится воевать?

– Нравится торговать, – Бен Лазар улыбнулся, показав крепкие желтоватые зубы. – А начинать новое дело, мой вождь, откровенно сказать – не с чем. Разве что в Таррагоне...

– Надеешься на добычу?

– Надеюсь. Получу свою долю и уйду. Если позволишь.

Гендальф пожал плечами:

– Уходи, Бен Лазар. У каждого своя дорога.

– Ты мудр не по годам, о, мой хевдинг!

* * *

Объединенный христианско-языческий флот добирался до Таррагоны полтора дня, и, конечно же, наместник эмира Мухаммеда Азиль ибн-Фарид, узнав о появлении чужих кораблей, поспешил принять все меры к обороне города, насколько это было возможно в столь небольшой срок. Была объявлена срочная мобилизация всех жителей города, как мавров, так и христиан, на смотровых башнях усилили караулы и всю ночь жгли костры. Многие гадали – откуда и чей флот? Кто-то говорил – ромейский, посланный из Константинополя, а кое-кто утверждал, что все корабли принадлежат языческим собакам норманнам, явившимся грабить, жечь, убивать. Последнее предположение придавало защитникам злости – жестоких северных пиратов здесь откровенно ненавидели, и было за что.

– Норманны! – увидев полосатые паруса драккаров, закричал караульный на воротной башне. На главной площади, у мечети, тревожно запела труба.

Все жители города – как мавры, так и христиане – встали на стенах плечом к плечу, намереваясь сражаться до конца, защищая свои семьи и саму жизнь. Обитатели предместий еще вечером сбежали в город, под защиту древних крепостных стен, выстроенных еще во времена Римской империи. Не столь уж они были и крепкие – безжалостное время сделало свое дело, а до ремонта так и не дошли руки. Единственное, что смог сделать Азиль-бей, это послать как можно больше воинов в те места, где был возможен прорыв.

– Зря они позволили нам подойти к берегу, – глядя на быстро приближающуюся кромку прибоя, философски заметил Бен Лазар. – Хотя, быть может, у них просто нет столько воинов. Надеются отсидеться за старыми стенами. Ну-ну.

На «Черной змее», головном судне викингов, взлетел на мачте синий флаг. Одновременно послышался звук рога, подхваченный рокотом корабельных барабанов и визгом флейт. Сигнал к началу штурма получен, и нечего больше ждать. Вперед! Отомстить проклятым маврам, захватить их женщин, их золото, все их добро! Что, среди таррагонцев есть и христиане? Тем хуже для них. Предатели, недостойные и капли жалости.

Могучий вопль, вырвавшийся из тысяч молодых глоток, прокатился по всему берегу. Море вспенилось от прыгнувших с кораблей людей. Кто-то попал на мель, а кому-то пришлось и плыть – немного, метра три-четыре. Кого-то в суматохе задавили – бывает, что ж, не повезло. Поддерживая неудержимый порыв, снова заголосили рога и флейты, и рокот барабанов заставил сильнее биться сердца. Бой! Битва! Добыча... и месть.

– Вперед, славные пенители морей! – Торкель Кю спрыгнул с драккара первым – прямо в синюю и пенную волну. – За мной! Клянусь Корвалой, я приведу вас к победе. Сам Один нынче будет за нас!

– Зря он поклялся северной богиней, – выбравшись на песок и отфыркиваясь, молвил Рольф. – Не так-то и часто она помогает в бою.

– Зато часто приводит к добыче! – вытаскивая из ножен меч, Атли Холодный Нож громко расхохотался, тряхнув рыжей шевелюрой. – Боги кюльфингов – подлые боги. Это сейчас нам на руку, х-ха!

– Вперед! – замахнувшись секирой на невидимого врага, угрожающе зарычал Фридлейв. – Да помогут нам Один и Тор! Вперед, за нашим ярлом.

Что-то орал и юный Херульф. Бежал, да, выпучив глаза, размахивал скрамасаксом, стараясь не отстать от других. Вот споткнулся, упал в песок... Но тут же поднялся и, отплеываясь, побежал дальше.

Один лишь хевдинг ничего не кричал, хотя чувствовал, что и на него властно накатывает азарт близкого боя. Вот-вот придется сцепиться с врагом, скрестить мечи... или нет – ударить мечом о щит врага, а лучше – разрубить супостата одним ударом, от плеча до пояса. За спиной Гендальфа развевался желтый плащ с алым подбоем – подарок барона де Бесос.

Надо сказать, начавшийся штурм был продуман неплохо. Все бежали одновременно, не отставая, не теряясь и не сбрасывая темп. Отряд барселонской пехоты, прихватив с собой части тарана, деловито направился к воротам. Их поддерживали всадники в длинных кольчугах – лошадей тоже доставили на кораблях. Воины растеклись вокруг городских стен, словно облизывая их длинными языками, подобными натиску волн. Каждый сотник точно знал – куда ему бежать и что делать. Христианские воины штурмовали ворота, язычники-викинги с воем полезли на стены, в тех местах, где римскую кладку наскоро заменили грудой камней.

Эта-то груды и обрушилась на головы норманнам, дробя кости и расшибая головы. Геннадий сам видел, как огромный валун ударил в грудь бежавшего рядом с ними ополченца. Бедолагу просто смело, раздавило. А валуны продолжали падать со стен, летели, словно пушечные ядра, сея вокруг ужас и смерть.

Однако осажденные сделали глупость. Камни все же не пушечное ядро, их можно заметить, уклониться... если внимательно смотреть. Да и не так-то много их было!

– Лестницы! – увидев, как плечо стены прямо на глазах стало в два раза ниже, быстро скомандовал Гендальф.

Пехотинцы тотчас же притащили вязанки с хворостом и мешки с песком, кинули в ров, и вон уже полетели на стены крючья, словно жадные лапы, потянулись к небу осадные лестницы.

– Лучники! – пусть хевдинг был не очень-то опытен, однако командовать все же не забывал.

Свистя, полетели стрелы. Тысячи стрел – не один Иванов оказался таким умным, вседесятники отдали точно такой же приказ.

Под прикрытием стрел викинги бросились на стены. С рычаньем и воем, выпучив глаза, исходя бешенством и азартом битвы, воины в сверкающих шлемах взобрались на стену и смели ее защитников в один миг, ибо мало кто в этом мире мог противиться ярости северных варваров.

Вот и наступил тот момент, которого так боялся Геннадий. Боялся не за свою шкуру, а того, что надо будет убивать. Рубить мечом, колоть копьем, крушить секирой. И никуда не денешься – не ты, так тебя! Раз уж ввязался в такую сечу, так не до гуманизма теперь.

Вражеский воин – мавр в пестром тюрбане и с кривым мечом – бросился на Гендальфа молча, стиснув зубы, ударил с замаха клинком, целя в шею. Хевдинг тотчас же подставил под удар щит. Небольшой, круглый или, как его здесь называли – мавританский.

Меч мавританского воина, разрубив железную полосу, застрял в кромке щита. С ненавистью сверкая глазами, мавр схватил висевшую на поясе палицу... тотчас же просвистевшую у самого виска Геннадия. Попал бы – не спас бы и шлем. Хевдинг успел уклониться и, отбросив бесполезный щит, ударил мечом. Просто сделал длинный выпад, словно бы в руках его была

шпага, пытался уколоть... А нельзя было этим мечом уколоть, короткий закругленный клинок вовсе не был на это рассчитан. Тем более враг ловко подставил под удар щит.

Все же выпад вышел сильным, даже закругленное лезвие все же пронзило кожу щита рядом с умбоном... да так и застряло там! Хитрый мавр тут же повернул щит, резко дернул... и Гендальф остался без оружия! И тут же получил удар по шлему...

В ушах зазвенело, все вокруг поплыло, враг торжествующе захохотал и... и вдруг, изрыгнув изо рта кровь, резко осел наземь.

Кто-то ударил врага копьем в шею... Кто-то... Юный Херульф, вот кто!

– Ты ранен, вождь? – парнишка участливо заглянул в глаза.

– Я?

Гена, наконец, пришел в себя – и теперь слышал все звуки боя, ранее скрытые словно пленкой. Звенели клинки, ухали палицы, свистели над головой стрелы. Кто-то невдалеке орал, а кто-то стонал совсем рядом.

– Все в порядке, – молодой человек поспешно схватил вражескую палицу, подкинул в руке... и с удовлетворением улыбнулся. – Вот это – мое!

Херульф округлил глаза:

– А как же твой славный меч, хевдинг?

– Можешь взять его себе, парень.

– Правда?!

Ничего более не сказав, Гендальф рванул со стены на улицу – куда уже бежали его воины, Бен Лазар и даны с Рольфом. Картахенец держался за левый бок, явно кровоточивший.

– Ты ранен, Бен? – подбежав, спросил хевдинг.

– Да так, – Бен Лазар скривился и сплюнул. – Один бродяга зацепил копьем. Едва уклонился.

Увидев вождя, Рольф радостно потряс над головою секирой:

– Куда теперь, мой хевдинг? Веди. Мы все умрем за тебя, клянусь молотом Тора!

Куда теперь? Хороший вопрос, однако...

Звуки битвы быстро перемещались в центр города, где на крутом холме располагалась римская базилика, переделанная арабами в мечеть.

– Туда! – Гендальф махнул дубиной. – Вперед, парни. За Роду... Тьфу! Добыча ждет нас. Вот именно так! Не Родина, а добыча. А что еще мог сейчас сказать молодой вождь?

На участке стены уже все было кончено. Прорвав оборону врагов, штурмующие с воплями бросились в город. В пролетах узеньких улиц виднелось какое-то движение...

– К бою! – закричав, Иванов замахнулся дубиной... и едва сдержал удар, увидев в ужасе оглянувшегося на него парня в желто-красном каталонском плаще!

– Свои! Бен Лазар, спроси их – что в городе?

– Мы почти победили, вождь, – выслушав, расслабленно улыбнулся торговец. – Кто-то открыл ворота. Наши все здесь.

– Ага, слышите?

Все дружно застыли, услышав, как на холме, близ мечети, три раза протрубил рог. На узкой башенке наскоро пристроенного минарета взметнулось вверх красно-желтое знамя.

– Победа, други! – алчно осклабился Рольф. – Главные силы врага сдались либо бежали. Остались лишь некоторые... Эх, клянусь Одином, наше время пришло!

И все же хевдинг заставил свой небольшой отряд выйти на главную площадь. Победа победой, но по пути пришлось столкнуться с обозленной группой мавров – в кольчугах и при мечях.

Гендальф даже не успел приказать – отряд вступил в бой с налета. Правда, вождь первым нанес удар, метнув подобранное на мостовой копье. Метнул с такой силой и меткостью, что противника не спасла и кольчуга. Бедолага охнул и выпустил щит...

– Хороший бросок, хевдинг! – захохотав, тощий Фридлейв Острый Топор бросился в схватку, орудуя секирой словно опытный дровосек. Ах, не зря этого парня прозвали проворным в битве! Секира сверкала в его руках, словно мельница крыльями...то и дело слышались смачные улары, фонтанами брызгала кровь.

Надо сказать, викинги выглядели куда как сильнее мавров. На голову, а то и на две, выше, шире в печихах. Да и ярость... вот уж поистине дети самого Вотана, жестокого бога войны!

Рольф тоже предпочитал секиру, а вот рыжий Атли ловко орудовал копьем. Колол, крутил древко в руках, даже рубил, благо закаленный, заточенный с двух сторон наконечник позволял и это.

С этими маврами пришлось повозиться, и все же победа оказалась за викингами. Правда, Херульф чуть было не выбили глаз – заметив пущенное копье, Фридлейв с силой толкнул мальчишку, просто впечатал в стену... И тем самым спас. Гендальф же, недолго думая, метнул в супостата палицу... угодив в голову, в шлем! Шлем-то шлемом, однако же добрым оказался удар. Враг зашатался, очумело сверкая глазами. Сотрясение, уж никак не меньше. Все признаки налицо!

Оглушенного похода добил Рольф. Просто разрубил секирой, словно здоровенную чурку. От плеча до пояса – хэк!

Где-то рядом послышался клич барселонцев. Увидев выскочивших из-за угла всадников, оставшиеся в живых мавры предпочли сдаться.

– Эй, норманны... Ола! – сняв шлем, приветствовал союзников молодой воин... Эрмольд!

– О, и вы здесь, славный господин Гендальф! – заметив своего спасителя, парнишка поспешно слез с коня и обнял Гену за плечи. – Рад, что вы в полном здравии.

– И я... рад. Что с городом?

– Таррагона – наша! – Эрмольд с гордостью расправил плечи и оперся на меч. – Правда, многим врагам удалось уйти. Я так думаю, мавританский флот, выйдя из Валенсии, будет здесь уже завтра. Потому времени у нас немного. Господин граф не может дать нам трех дней – только до поздней ночи. На рассвете отчаливаем, сигнал – троекратный звук рога.

Бен Лазар едва успевал переводить, настолько быстро говорил юноша. Наконец, Эрмольд взлетел в седло и, натянув поводья, еще раз улыбнулся Гене:

– Удачи, господин Гендальф. Даст бог, еще свидимся.

– А вот уж это навряд ли...

Хмыкнув про себя, хевдинг проводил всадников взглядом и махнул рукой своим:

– Город наш до ночи. Куда пойдем?

Вопрос оказался не таким уж и легким.

– В центре – богатые дома, – глядя на алчные толпы захватчиков, задумчиво рассуждал таррагонец. – Они, конечно, уже разграблены. Посмотрим в южных кварталах, там живут моряки и работоторговцы средней руки. Там мы что-нибудь и найдем. Наверное. Скорее всего.

– Как твоя рана, Бен? – осведомился хевдинг. – Не мешает?

Картахенец скривился:

– Взять свою долю добычи мне не мешает ничто! Ну, пошли, что ли, хевдинг?

– Пошли... Нет, постойте! – Геннадий в задумчивости осмотрелся вокруг, стараясь гнать от себя навязчивый запах крови. – Надо собрать оружие – пригодится.

– Вот, поистине мудрые слова, – одобрительно ухмыльнулся Рольф.

Викинги Гендальфа подобрали все – мечи, кинжалы, даже обломки копий с остриями. Не брали только шлемы и панцири – тяжело было таскать.

Улучив момент, к хевдингу подошел Херульф:

– Твой меч, вождь. Он очень мне пригодился.

Иванов неожиданно улыбнулся:

– Раз пригодился – владей. Кто сказал, что дареное не дарят?

– Что... этот славный меч теперь – мой? – недоверчиво заморгал мальчишка.

– Твой, твой... Надеюсь, ты придумаешь ему достойное имя... – Геннадий повернулся в воинам. – Парень сегодня спас меня в бою. Его помощь пришла очень кстати.

– Я назову его – «Верный», – застенчиво промолвил парнишка. – Ведь может же быть такое имя, да?

– Конечно, может быть! – Рольф Кривая Секира добродушно расхохотался и хлопнул парня по плечу. – Ты теперь настоящий викинг! Херульф... Херульф Отважный! Кто скажет, что это плохое прозвище? Так и знал, что никто.

Карие блестящие глаза подростка сияли самым неподдельным счастьем, в нечесаных волосах запеклась кровь. То ли самого поцарапали, то ли – чужая.

– Что ж, идем, – махнул рукой вождь. – Ты славно сражался, Херульф Отважный! И, как и все, имеешь полное право на часть добычи.

Где-то что-то горело, город заволакивал дым, налетевший с моря ветер крутил в пролетах узеньких улиц пух из выпотрошенных в поисках зашитых денег перин. Алчные толпы захватчиков носились по всему городу, сея среди оставшихся жителей слезы, горе и смерть. Кругом слышались радостные вопли, грубый хохот и женский визг. Барселонцы еще не так уж сильно грабили и многих щадили, а вот норманны Торкеля Кю отрывались по полной, пощады не было никому.

Обесчещенным девушкам люди ярла отрубали головы просто так, ради забавы. Ради забавы подкидывали кверху младенцев, ловя их на копья, ради забавы вскрывали женщинам животы. Ужас и стон пронесся над городом, над той его частью, что была отдана на разграбление северным варварам Торкеля Змеи!

Свернув за угол, викинги Гендальфа оказались на небольшой площади, с каменной – еще римской – скамьей и фонтаном, тоже сохранившимся с римских времен. Справа стояла базилика с распахнутыми настежь дверями, слева уступами спускались к морю дома, а прямо впереди виднелась арена древнего цирка. Воины Торкеля Кю сгоняли туда пленных – так пояснил один из бегущих с добычей викинг. В левой руке он нес жирного гуся, правой тащил за шиворот полуголую упиравшуюся девчонку. Несчастная испуганно кричала, глаза ее были полны ужаса и слез.

– Добрый гусь, друг! – завистливо похвалил соплеменника Фридлейв. – Где такого и взял?

– А, не помню, – замедлив ход, обернулся викинг. Здоровенный, под стать Рольфу, с заплетенными в две косы бороною, с круглым, вовсе не злым лицом деревенского пьяницы и драчуна.

– Так она, верно, должна знать, – Гендальф кивнул на плачущую девчонку. – Не дашь ее? Хотя бы на время. Нам бы тоже не помешал какой-нибудь богатый дом.

Иванов уже довольно бегло говорил на языке норманнов, наострил, беседуя со своими людьми.

– Не, не дам, – отпустив деву, викинг задумчиво поковырял пальцем в носу. – А вот продать – продам. Или обменяю на что-нибудь... Вот хоть на твой плащ.

– Плащ, говоришь... – хевдинг почесал бородку. – Что ж, бери. Ради общего дела!

Славный воин Торкеля Кю с удовольствием накинуд на плечи плащ и, поудобней перехватив гуся, махнул свободной рукой на девчонку:

– Забирайте уж, так и быть. Только, парни, поторопитесь. Слишком уж много здесь желающих до чужого добра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.